

Н.Л.Пирогов

Зигзаги судьбы

рассказы

Москва 2010

УДК 821.161.1-32 Пирогов
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
П 33

Пирогов Н.Л.
П 33 Зигзаги судьбы/Н.Л.Пирогов.–
М.: Издательство Московского гуманитарного
университета, 2010. – 110 с.

Персонажи рассказов Н.Л. Пирогова – сильные, гордые люди с обостренным чувством собственного достоинства. Время действия – вторая половина прошлого века. Автор с чувством юмора описывает и забавные, и печальные ситуации, в которые попадают его герои.

УДК 821.161.1-32 Пирогов
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© Московский гуманитарный
университет, 2010

© Зигзаги судьбы, 2010

От автора

Это вторая книга рассказов. Первая – «Рассказы о медведях (и не только о них)», посвященная, в основном, событиям и людям второй половины XX века, была доброжелательно встречена читателями, и, что мне особенно приятно, не только моими ровесниками, но и молодыми людьми.

В предлагаемой читателям небольшой книге шестнадцать рассказов. Их персонажи, как и в первой книге – сильные и гордые люди, которые попадают в разные жизненные переплеты – от забавных до трагических.

Два рассказа – «Тяготы жизни» и «Свобода» описывают поведение местных руководителей в ситуациях, характерных для той, уже ушедшей эпохи. Публикация этих рассказов, на мой взгляд, оправдана уже тем, что помогает молодому поколению понять дух того времени, которое стало нашей историей.

Надеюсь, что рассказы понравятся читателям.

Н.Л.Пирогов

Знай наших!

Середина семидесятых годов. Туристическая группа из Якутии знакомиться с достопримечательностями Югославии. Передвигаются на автобусе, ночуют в гостиницах. Тур рассчитан на две недели, из них последние три дня – отдых на берегу моря.

Культурная программа была напряженной: «работать» начинали с самого утра и заканчивали к позднему ужину. Очень уставали. Трудности усугублялись еще и тем, что следовало с умом потратить имеющиеся динары.

Назаров с женой израсходовали валюту в первые же несколько дней. Отсутствие денег никак не сказывалось на их самочувствии: за все ведь было по путевке заплачено, а чаевые обслуге давать считалось необязательным.

Так все и шло, пока не начался трехдневный отдых. И здесь было оплачено все. Правильнее добавить, что в основном все. Так же кормили в ресторане, поселили в отличной гостинице, возили на пляж в красивых, ярких миниавтобусах. А вот на самом пляже услуги были все платные. И услуги-то вроде бы ерундовые, но денег требовали. Пляжей было два: один – для всех, как у нас говорят – «дикий», а другой – оборудованный, и там за вход надо было хоть и немного, но платить.

Для Назарова это стало неожиданностью. Гиды раньше говорили, что пляж бесплатный, а теперь же на недоуменные вопросы туристов отвечали, что да, пляж действительно бесплатный, при этом показывали рукой на каменистый берег и предлагали желающим размещаться на нем.

«У советских собственная гордость» - сообща решили твердо, что все до одного будут отдыхать на платном пляже, негоже, дескать, нашим людям, как нищим, маяться в таких некомфортных условиях. Безденежным дали в долг на входные билеты. Ну, а уж на самом пляже каждый пускай устраивается как может.

У кого деньги были, тот вел себя, «как белый человек», - размещался на лежаке, брал большое махровое полотенце, если нужно было - устраивался под навесом, дающим полутень. За все это следовало

Н.Л.Пирогов

платить. Деньги, кроме того, требовались и для удовлетворения обычных естественных потребностей: в жару хочется попить воды, съесть что-нибудь из фруктов. Недорого все это стоило, но задаром здесь это не давали. Были и не совсем естественные потребности: выпить джин с тоником, виски со льдом, или хотя бы кружку пива.

В общем, у Назарова денег не было и поэтому он, как «черный человек», лежал в плавках на песке и тихо страдал. Рядом в купальном костюме лежала его супруга. Тихо – это при взгляде со стороны. Ну а если бы кто прислушался, то понял бы, что страдания тихими не были. Назаров зло шипел на ухо любимой жене: «Галина, это ты во всем виновата! Не могла меня удержать, из-за тебя все деньги истратили! Зачем купили чайный сервиз? У нас их и так три штуки!»

Назаров был у жены в большом авторитете и поэтому даже когда бывал не прав, она не обижалась на него и никогда не повышала голоса. «Виктор – отвечала она ласково, нараспев, растягивая букву «и» - ведь это ты решил купить тот сервиз. Вспомни, ты его хотел кому-то подарить. Я же говорила, что не надо бы это делать». «Говорила, говорила! Плохо, значит, говорила! Вот из-за тебя теперь и денег нет!»

Галина не ответила и отвернулась, обиженная. А у Виктора все внутри кипело. В таком униженном положении он еще не был. На него всегда обращали внимание, в любой компании он выделялся и играл ведущие роли. А здесь не то, чтобы выделиться, на него старались и не глядеть. Таких, как он с женой, на весь пляж и было-то всего человек десять. Все отдыхающие, в основном, иностранцы, считали их, вероятно, или очень бедными, или очень жадными. Назаров понимал это и все больше разъярялся.

Человек он был не рядовой. Работал в Якутской республике дорожным министром. И способностями обладал недюжинными. Мастер рассказывать разные смешные истории и анекдоты, и что самое главное – обладатель необычайной физической силы. Равных себе противников он не встречал. При среднем росте, он весил почти полтора центнера. На вид выглядел просто тучным человеком, на самом деле таким не был. В прошлом мастер спорта по штанге, он и в сорок пять сохранил многие спортивные кондиции: силу, взрывную резкость, великолепную реакцию.

Любил играть в волейбол и часто на отдыхе, в санаториях уча-

ствовал в самодеятельных соревнованиях. Когда в составе команды выходил на площадку, самый маленький по росту и самый толстый из всех, зрители хохотали и, издеваясь, кричали: «Что это за пивная бочка? Откуда взяли этого толстяка? Обрубок, ты что, заблудился?»

Начиналась игра и отношение к нему менялось. В волейбол он играл необычно, не как все. В защите, на приеме мяча был явно не силен. А его игра в нападении поражала всех. Во-первых, он мог выпрыгнуть чуть ли не по пояс над сеткой, что сразу покоряло зрителей. Но главное было в том, что сила его удара была такая, что принять мяч никто не мог. Бил он не кистью, как положено, а кулаком. На одном из снимков был пойман момент его удара – мяч, как боксерская перчатка, обволакивал его кулак. И если все нормальные волейболисты старались попасть мячом мимо рук противников куда-нибудь в пустое место на площадке, то Назаров, наоборот, бил по людям. Профессионалы его удары, конечно, с трудом, но выдержали бы. Но обычно в игре участвовали хоть и квалифицированные, но любители. А они принять посылаемые им мячи не могли.

Игра приобретала удивительный рисунок. Счет зрителей уже волновал мало. Они с нетерпением ждали, когда Назаров в очередной раз попадет по игроку противника мячом. Если попадал по голове, то пострадавший уморительно тряс ей, приходя в себя под смех зрителей. Случалось, что и пальцы вывихивали. Через каких-нибудь 10-15 минут игроки противоположной стороны были запуганы и с опаской ожидали неприятностей от этой «пивной бочки». Впрочем, Виктора никто больше так не обзывал. Наоборот, начинали скандировать: «Давай, богатырь! Давай, богатырь!» А богатырь заранее знал, что так все и будет, поэтому с самого начала ни на кого не обижался, а перемену отношения, славу, свалившуюся на него, воспринимал, как должное.

После игры обычно обе команды вместе со зрителями шли пить вино местного приготовления. Назаров, как обычно, – душа компании, общий любимец, весельчак и балагур. Теперь разглядывают его внимательно, как диковину. С удивлением отмечают вдруг ставшую заметной всем его мощь: крепкие, в жевлаках мышц под тонкой кожей ноги, огромную, как капот автомобиля, грудь, конусообразные руки, пальцы, держащие стакан вина, на которых снаружи видны мышеч-

Н.Л.Пирогов

ные волокна. Фигуру явно портил живот, выходящий за пределы груди. Но когда надо было покрасоваться, Виктор подтягивал его, при этом грудь поднималась и становилась еще больше и мощней. Мало кто догадывался, что живот-то его – это тоже сплошные мышцы.

Зная свою непомерную силу, Назаров никогда, даже в молодости, не дрался по своей инициативе. А если случалось все же ввязываться в конфликты, то старался обойтись «малой кровью», продемонстрировав свое явное превосходство. Один из его приемов был такой. Привлекал желающего подраться к себе поближе, максимально втягивая живот, а затем мгновенно, со страшной силой выбрасывал живот вперед. От такого удара человек буквально отлетал метра на три. После этого желание драться, обычно, пропадало. Бывало и так: ткнет хулигана большим пальцем в поддых и тот, взмахнув руками, падает, хватая ртом воздух.

Виктор любил демонстрировать свою исключительность. Если в компании пьет вино, то его мера – что-нибудь с полведра. Пьет коньяк – так бутылки две-три. И шутил он не как все. Вернее, все, как он и шутить не могли, силы бы не хватило. Бывало в веселой компании, отмечающей какое-нибудь событие, он, разгоряченный выпитым, приглашал на танец кого-либо из женщин и вдруг, крепко сжав ее талию, сажал даму, вес которой был килограммов под восемьдесят, на шкаф. Гости хохотали, объект шутки возмущалась, но тоже хохотала со всеми. Посидев минуту-другую на шкафу, требовала спустить ее на пол. Сама она слезть не могла, никто из гостей помочь не в состоянии, поэтому Назаров вскоре тем же способом возвращал ее вниз.

Рассказывали про него и такой случай. Отец у Виктора погиб в отечественную войну. Его мать уже в преклонном возрасте решила выйти замуж. Спросила мнение сына. Он был не против. Устроили свадьбу, на которую приехал и Назаров. Его отчим считался самым сильным человеком в деревне. И вот он на свадьбе предложил Виктору побороться. Как его ни отговаривали, никого не хотел слушать. Давай бороться и все тут. А отчим был действительно очень здоров: могучий мужик, рослый, весом килограммов сто. Борьба быстро кончилась тем, что Назаров забросил его на плоскую крышу сарая. Обиделся тогда тот здорово, но позже они помирились и подружились.

Был и такой случай. Как-то приятель-дагестанец пригласил Вик-

тора на свадьбу своего родственника. Дело было на Кавказе в далеком горном селении. Роль Назарова – свадебный генерал, поскольку и должность его, и фигура очень для этого подходили. Как самому почетному гостю дали ему большой рог, налили его чачей (крепость, как известно, градусов 70), повесили на серебряной цепи на шею и предложили пить. Чачи в роге – не менее литра. Из присутствующих на свадьбе русский язык хорошо знали двое: Назаров и его приятель. Хотел было Назаров уточнить у приятеля, что делать-то с этим рогом, да тот как на грех отошел в сторону поговорить с родственниками. А все вокруг на вопрос Виктора, что делать с рогом, подкрепленные соответствующими жестами, жестами и отвечали, что, дескать, пить, конечно, пить. Ну, Назаров все и выпил. Лукавил, когда рассказывал, что не очень понял, сразу все пить, или постепенно. Как обычно, хотел поразить окружающих своей неординарностью и мощью. И надо сказать, что добился этого. Рог-то давался на всю свадьбу. Он должен был висеть на груди и из него надо было после тостов пить по одному-два глотка. Кончилось тем, что родственники и гости действительно были поражены таким поступком, после чего все ждали, что русский гость упадет замертво. Все последующие многочисленные тосты, на какую бы тему они ни говорились, так или иначе сворачивали на подвиг, который совершил Виктор.

И вот он, привыкший к вниманию людей, к постоянному восхищению его достоинствами, лежал на прекрасном бархатном песке пляжа в Югославии всеми забытый, никому не нужный, в униженном, жалком положении очень бедного человека. Для него это было нетерпимо. Решил было продемонстрировать свои выдающиеся способности: сделал стойку и походил немного на руках. Но обратили внимание на него только ближайшие соседи. Семья шведов (это выяснилось позже) – муж, жена и сын-подросток смотрели на этот номер во все глаза. Но когда муж, выразительно глядя на Назарова, повертел указательным пальцем у виска, желание продолжать это упражнение у Виктора пропало напрочь. Плюнул на песок и пошел в море. Плавал он неважно, поэтому ничем не отличался от десятков барахтающихся в воде людей. Искушавшись, снова лег на свое место на пляже.

Время приближалось к вечеру. Солнце готовилось уйти за море. Скоро должен был подъехать автобус и отвезти туристов в отель. Но

Н.Л.Пирогов

минут за двадцать до отъезда на пляже началось какое-то оживление. Многие стали смотреть на небольшой скалистый мысок, на вершину которого по какой-то сложной траектории быстро и сноровисто поднимался молодой парень. Вот он забрался на самый верх, лучи заходящего солнца осветили его прекрасную фигуру, протянул руки к солнцу, затем слегка присел, оттолкнулся ногами и ласточкой полетел вниз. Вошел в воду почти без брызг. Прыжок был необычайно красив. Парень вынырнул, быстро подплыл к берегу и пошел к выходу, сопровождаемый аплодисментами отдыхающих. На шаг сзади него шла девушка с большой желтой шляпой, в которую бросали деньги.

Нерядовые проявления человеческих способностей всегда вызывали интерес у Назарова. Он сразу же пошел к этой скале. Убедился, что она была не совсем обычная. С нее в море стекала речушка, разбиваясь в камнях на множество струек, которые на расстоянии были почти не видны, но, однако, падая в море, за многие годы вымыли в его дне большое углубление, куда и нырял тот самый парень. Назаров долго не думал: «Решено. Завтра прыгну я». Вернулся на свое место. Галина уже собрала вещи, они ополоснулись под душем, оделись и пошли к автобусу.

Утром на следующий день Назаров был необычно молчалив и сдержан. Не посвящая в свой план жену, пошел вроде бы прогуляться по пляжу к этой скале. Еще раз внимательно ее осмотрел. Понял, что задача сложнее, чем ему казалось вчера. Тот парень, как рассказали ему работники отеля, местный житель, прыгал со скалы каждый день, поэтому изучил все особенности этого места. Самое главное – он знал дорогу вверх и место, откуда следовало прыгать.

Галина, увидев, что ее муж как-то подозрительно долго вертится у скалистого мыса и почуяв неладное, быстрым шагом, полубегом направилась к нему. Виктор заметил ее приближение, понял, что она все сделает, чтобы сорвать его замысел, и поэтому сразу, отбросив все сомнения, полез наверх. Когда жена подбежала к скале, Виктор поднялся уже метра на два и был для нее недосыгаем. Ужас Гали был непередаваем, она хорошо знала характер мужа и была уверена, что если ему не помешать, то он обязательно прыгнет в воду с этого проклятого камня и представляла, что с ним может случиться. Кричала мужу: «Витя, вернись! Ты ж разобьешься! Я тебя умоляю!»

А Назаров, не обращая внимания на ее уговоры, упорно лез вверх. Поднялся уже метров на пять и только на этой высоте понял отчаянную безрассудность своей затеи. Струйки воды, снизу казавшиеся такими ласковыми и безобидными, на самом деле обладали большой силой: они как будто рвали тело Назарова, пытались сошвырнуть его вниз, и, самое главное – срывали с него плавки. С плавками Виктор допустил просчет. Они держались на нем на резинке. Был еще и шнурок, но он им никогда не пользовался. Остаться без штанов на виду у всего пляжа, - это было для него смерти подобно. Выход был один - постоянно поддерживать плавки одной рукой. Это чрезвычайно осложняло подъем на вершину. Он забрался уже метров на семь и понял, что продвигаться дальше просто не сможет. Карабкаться вверх – нужны две свободные руки, спуститься вниз – нечего было и думать, это всегда трудней, чем подъем вверх.

Весь пляж с интересом наблюдал на тучным человеком, карабкающимся по скале, и за женщиной, которая умоляла его спуститься вниз. Отдыхающие не могли и представить, в какое сложное положение попал этот толстяк. А Назаров в это время лихорадочно соображал, как ему спастись. Нужно падать в воду, другого выхода не было. Но куда падать? Можно попасть на мелководе, на камни. Он с большим трудом прошел метра три по горизонтали в сторону моря и увидел то место, выше его метров на пять, с которого нырял тот парень, увидел и контур внизу, окруженный камнями, куда нужно нырять. Сил уже больше не было. Оттолкнулся от скалы и боком полетел вниз. Напряг мышцы, крепко закрыл глаза, но несмотря на эти предосторожности, удар о воду был очень сильным. Отбил живот, в одно ухо под большим напором ворвалась вода и острой болью резанула по мозгам. С трудом выбрался на берег, сел на песок.

Жена, закончив причитать, бросилась обнимать его, как чудом спасшегося от смертельной опасности. Пляж хохотал. Уж очень комично выглядела со стороны попытка этого толстяка забраться наверх и еще смешней казалось всем его паденье в воду.

А Назаров сидел, приходил в себя. Потом встал, попрыгал на одной ноге, наклонив голову, чтобы удалить воду из уха. Еще немного посидел, затем встал, отстранил руку жены, которая пыталась тянуть его подальше от этой скалы, крепко затянул шнур на плавках, завязал

Н.Л.Пирогов

его тройным узлом, и снова полез по каменной стене.

Жена просто онемела. Пляж замер, молча внимательно наблюдая, как Назаров быстро и уверенно поднимался вверх. И вот он уже на самой вершине. Посмотрел вниз, куда надо прыгать, оглядел с высоты пляж. Лица всех были обращены к нему. Поприветствовал зрителей поднятыми вверх руками. Набрал полную грудь воздуха, втянул живот и превратился в олицетворение силы, мощи и красоты. В такой позе постоял немного, подошел к краю и, вытянувшись в струну, головой вниз полетел в воду.

Вынырнул он триумфатором. Пляж аплодировал. Галина беззвучно рыдала у него на груди. А люди никак не могли успокоиться. Окруженный толпой, он неспешно пошел на свое место. Лег на песок, отдыхал. Вокруг стояли восхищенные люди. На их глазах был совершен подвиг. Причем они увидели не только сам подвиг, но и технологию его рождения. Людей покорило то, что совершил его обычный простой человек, такой же, как они сами.

Назаров миг стал героем пляжа. Все почитали за честь пройти рядом с ним, сказать два-три слова. Самые смелые жали ему руку. Хозяева пляжа стали предлагать бесплатно все пляжные принадлежности, пытались угощать его джином, виски, вином. Он же сдержанно благодарил всех, объяснял, что вообще не пьет спиртное, а на песке лежит потому, что так ему больше нравится, на топчанах, да на полотенцах лежать не любит.

Обсуждая подвиг Виктора, уважительно и с восхищением называли его по-английски «рашен бэа» (русский медведь), или же на разных других языках русский богатырь. А советская группа туристов просто лопалась от гордости за своего соотечественника.

В тот же день вечером на закате солнца тот же парень вновь прыгал со скалы в море. Так же элегантно и красиво, как в прошлый раз. Но, увы, аплодисментов не было. И в шляпу деньги не бросали, чем здорово удивили и самого парня, и его спутницу.

В последний третий день отдыха, утром все иностранцы, проходящие на пляж, считали нужным пройти мимо Назарова, поприветствовать его глубоким кивком головы или пожать ему руку. Он, лежа, молча протягивал им свою могучую длань. Галина сидела рядом, влюбленными глазами смотрела на мужа и улыбалась.

Жестокость

После четвертого курса все военнообязанные студенты института железнодорожного транспорта подлежали отправке в военные лагеря на месяц, после чего они, сдав государственный экзамен, становились офицерами – каждому присваивалось звание младшего лейтенанта инженерных войск. Лагерный сбор был последним этапом обучения военному делу, чему предшествовало освоение теории в течение нескольких лет.

Военная специальность молодых офицеров – восстановление и заграждение железных дорог. Это значит, что они с одной стороны, должны уметь с минимальными затратами и в кратчайший срок так разрушить железнодорожное полотно и все обслуживающие инженерные системы, чтобы враг не мог их эксплуатировать, а с другой стороны – иметь навыки по быстрому восстановлению таких же объектов, уничтоженных противником.

Обучение и теории, и практике было серьезным. Основу заграждения железных дорог – взрывное дело, студенты знали неплохо. Научились взрывать мосты, здания, подвижной состав. Учеба организовывалась в условиях, максимально приближенных к боевым: ставилась задача и студенты (теперь они назывались курсантами) решали ее в соответствии с уставами и инструкциями.

Перед выполнением задания под руководством преподавателя (обычно - полковник) и сержанта срочной службы, который демонстрировал приемы, о которых тот рассказывал, курсанты осваивали все премудрости взрывных работ.

Шло обычное полевое занятие. Отрабатывалось задание – взорвать одновременно два куста из шести деревянных свай. Курсантов было десять человек – отделение, занятие вел полковник по кличке Чапаев – человек ниже среднего роста, полноватый, в очках с круглыми старорежимными стеклами. Лицо отличало суровость во взгляде и роскошные черные усы, загнутые кверху, за что он и получил это самое прозвище. Правда, усы-то были больше похожи не на чапаев-

Н.Л.Пирогов

ские, у того - небольшие и аккуратные, а на буденовские – огромные и устрашающие. Но что поделаешь, такое уж прозвище он получил.

После выполнения всех подготовительных работ перед непосредственным закреплением зарядов полковник, как положено, четко и ясно сообщил порядок действий в случае отказа - несостоявшегося по какой-либо причине взрыва. Этот порядок был хорошо известен курсантам, но повторить его было необходимо, таковы правила ведения взрывных работ. Ошибка в этом деле может быть первой и последней.

Курсанты со скучающим видом, наверное, в десятый раз слушают: «В случае отказа взрыва нужно подождать в укрытии пятнадцать минут, если за это время взрыв не произойдет, старший группы из укрытия производит вооруженными или невооруженными глазами осмотр объекта с целью определения причины отказа. Если эта причина не выявлена, то старший группы лично на объекте устанавливает ее. После этого принимает соответствующее решение. Всем ясно?» Курсанты вяло отвечают: «Да ясно, товарищ полковник». Полковнику это не понравилось: «Отставить! Отвечать по уставу! Повторяю еще раз: всем ясно?» Полковник сжал губы, концы его усов угрожающе приподнялись... - курсанты четко отрапортовали: «Так точно, ясно!»

Приступили к выполнению поставленной задачи. Поджечь огнепроводный шнур было поручено командиру отделения. Все шло как положено: через рассчитанное количество секунд прогремел взрыв. Полковник в бинокль, немного высунувшись из укрытия, стал разглядывать результаты. Смотрел необычно долго и молчал. Курсантам скоро надоело и, нарушая установленный порядок, они по одному стали выглядывать из-за бруствера. Увидели неожиданное: один куст свай был срезан взрывом по самое основание, а другой стоял целый и невредимый. Наступила та самая ситуация, о которой буквально пять минут назад рассказывал полковник, наставляя курсантов правильно действовать в этих условиях.

Наконец, полковник оторвался от бинокля, повернулся к курсантам - лицо было бледным, усы обвисли, сказал тихо, ни на кого не глядя: «Будем ждать пятнадцать минут». Посмотрел на часы и сел на дно окопа.

Пятнадцать минут – срок большой. Курсанты помолчали с минуту, встревоженные убитым видом полковника, а потом, перебивая друг друга, стали громогласно излагать свои версии отказа взрыва. Все версии основывались на случаях, рассказанных им преподавателями, бывшими фронтовиками. Сошлись на том, что причин может быть несколько, но самая неприятная и опасная, причем, как считал сержант, который тоже участвовал в общем разговоре, но и самая маловероятная – дефектный огнепроводный шнур, в который могло попасть инородное включение. Шнур в этом месте может какое-то время тлеть, а затем горение продолжится. Ну а дальше ясно – рванет...

Полковник сидел не шевелясь, молча, пока курсанты болтали. Он, конечно, лучше всех понимал серьезность положения. В его практике такие случаи бывали. Прошло уже тринадцать лет после войны, а ему казалось, что она была чуть ли не вчера. Четыре года войны для него были значительно длинней, чем тринадцать лет мира.

Всю войну он провоевал сапером. Начал рядовым, а закончил капитаном, командиром батальона. И дело было не в каких-то его особых способностях, нет, дело было простое – слишком много гибло людей, его командиров и начальников. Бывало, только сегодня представишься командиру роты, как его заместитель, а завтра приходится этой ротой командовать: нет командира, погиб. За всю войну был у него всего один перерыв, когда отправили на лейтенантские трехмесячные курсы. Но проучиться довелось всего один месяц: безжалостная метла войны уж очень быстро выметала саперов и фронты постоянно требовали пополнения.

И везло ему, конечно, здорово. Был случай, делали они марш-бросок – с оружием, со строительными инструментами, еще и трос металлический тащили для крепления моста, который должны были построить за несколько часов через небольшую речушку с обрывистыми берегами. Вышли вечером, как стемнело. Надо было скрытно отмахать двадцать километров и к утру по сооруженному ими мосту пропустить на тот берег танки. Они все знали, что задача эта невыполнимая. С первыми ударами топоров их будут расстреливать с немецкого берега, как куропаток. Приданный роте взвод прикрытия вряд ли поможет делу. Единственная надежда была на то, что сумеют сделать мост до рассвета. В темноте немцам убивать их будет сложнее, но

Н.Л.Пирогов

и работать им без света намного труднее.

На марше он тогда шел последним. Вместе с ординарцем следили, чтобы не было отстающих. Остановились с ним на минуту покурить. Накрылись плащ-палаткой, только задымили – метрах в десяти хлопнула шальная мина. Ординарца осколки разорвали в клочья, у него же не было даже царапины.

Ночью они задачу выполнили – мост соорудили, но от роты в шестьдесят человек осталось всего восемнадцать. Его тогда легко ранило. После взрыва снаряда щепка, осколком срезанная с дерева, пропахала борозду на губе и щеке. После той ночи возникла уверенность – он будет жить, с ним ничего не случится. И действительно, потом за два года войны бывало всякое, вокруг гибли люди, а он оставался невредимым.

Был, правда, еще один случай, когда он чудом остался жив. Надлежало установить, заминирован ли дом, в котором должна была расположиться его рота. Он мог послать любого бойца, но пошел сам – был опытней других и жалел молодых. Немцы, оказывается, наблюдали за домом, и когда он вошел в него, их человек крутанул ручку подрывной машинки. Здание развалилось. Взрывная волна вышвырнула его из подъезда. Это спасло, но он был сильно контужен. И именно с тех пор серьезно ухудшилось зрение, почему и начал носить очки. Периодически стали мучить головные боли. Иногда они возникали как будто бы безо всяких причин, но всегда после того, как он выпьет спиртного. Хватало буквально двух глотков водки, чтобы возникала боль, от которой хотелось застрелиться. И как себя не остерегай, а офицеру без водки, особенно на фронте, обойтись невозможно.

Войну закончил в Чехословакии. Сомнений, как жить дальше, не было. Решил твердо, что останется в армии. Направили в инженерную академию, а после нее, видно, с учетом слабого зрения – на преподавательскую работу в гражданский институт. Сначала его военная душа протестовала против такого назначения. Но не прошло и года, как он понял все преимущества этой работы: числишься в армии, звания идут, зарплата приличная и уж никак не меньше, чем платят в войсках, делом занимаешься интеллигентным и при этом не мотаешься по гарнизонам, не тянешься в струнку перед начальством.

Женился поздно. Уже работая в институте, познакомился на ве-

через дочь преподавателя сопромата, через год расписались. И вот она-то, его жена, придумала, что ему нужны именно такие огромные усы - они полностью закрывали глубокий шрам, уродующий лицо. И головные боли как-то незаметно прошли. Один за другим родились два сына. Жизнь складывалась так, как он не мог и мечтать.

Иногда в ванной, стоя голым перед зеркалом и разглядывая свое расплывшееся тело, в который раз удивлялся, что на нем нет никаких следов прошедшей войны: голова, руки, ноги – все цело и невредимо. В такие моменты помимо его воли возникало видение, которое он безуспешно гнал от себя, но оно не хотело уходить из памяти: он ясно видел такие же, как у него руки и ноги, но отделенные от туловища и развешенные на ветках деревьев - куски тел одного из взводов его роты. Это сделала тяжелая бомба, попавшая в блиндаж, расположенный в лесу и только что отбитый у немцев, в который набилось бойцов сверх всякой меры. Он разрешил смертельно уставшим людям отоспаться, устроившись кто как может, а завтра с утра намечал все сделать по порядку, как положено. Он всегда помнил, что в этом блиндаже было оставлено место для него. Собирался, проверив дозоры, идти спать, он ведь был измотан не меньше других. Не успел...

Видения, смешиваясь, крутились в его голове, пока он сидел на дне окопа - чистый, ухоженный, в отглаженном кителе, в начищенных сверкающих сапогах. Черной волной наплыла беда, он чувствовал ее всеми поджилками: везение кончилось, конечно, кончилось, ну, не может же человеку так везти всю жизнь. Надо встать и делать то, что недавно внушал этим парням. Надо! Это слово он часто повторял во время войны и себе и еще чаще - другим, своим подчиненным.

Пятнадцать минут прошло. Все ждали его действий. Он, не глядя ни на кого, чувствовал их взгляды. Сказал себе еще раз: «Надо!» Но вдруг ясно, как бывает в отчетливом сне, увидел свое семейство: жена держит за руки их пацанов. Старшему ведь в этом году в школу идти. Качнул головой, отгоняя видение, но тут мозг пронзила, как раскаленной спицей, жгучая боль и по-хозяйски поворочалась, устраиваясь, видимо, там надолго - это была та самая боль, о которой он уже почти забыл и терпеть которую разучился.

Курсантам надоело ждать: «Чего он тянет? Надо действовать». Все они были воспитаны на подвигах старших братьев и отцов, побе-

Н.Л.Пирогов

дивших в этой страшной войне, на опыте которой они учились. А полковник этот просто трус, и такие были на войне, это они знали по книгам и газетам, об этом им рассказывали их преподаватели, а также знакомые и родные, оставшиеся в живых. И этот тип, видно, плел студентам всякие небылицы. А сейчас от страха, наверное, в штаны наклал. Начались выкрики, сначала неуверенные, робковатые, а потом все громче и яростней: «Кто у нас старший по команде? Кто должен идти на объект? Полковник, идите! Трусы! Теоретик!»

А полковник продолжал сидеть на дне окопа, головой шевелить не мог, встать не было сил. Глазами нашел сержанта и несколько секунд умоляюще смотрел на него. Сержант, крепкий деревенский парень, понял его: лихо с отмашкой козырнул, молча взял бинокль, разжав задубевшие пальцы полковника, внимательно, но не долго смотрел в окуляры. Затем, прижимаясь к земле, выбрался по ступенькам из окопа в тыльную сторону и по-пластунски прополз метров двадцать вбок, откуда лучше было видно этот проклятый невзорвавшийся куст свай. Из-за небольшого бугорка посмотрел на него в бинокль, вдруг встал в полный рост и спокойно, вразвалочку пошел к нему.

Все оказалось, как часто бывает, примитивно просто: взрывная волна вырвала зажигательную трубку из заряда, прикрепленного к рядом расположенному кусту свай. Основная причина – небрежность при подготовительных работах.

После того как сержант крикнул: «Трубку вырвало!», курсанты повыпрыгивали из окопа и побежали смотреть, что же там получилось. О дисциплине, строжайшем соблюдении правил производства взрывных работ никто и не вспоминал. Полковник стал приходить в себя. Головная боль убавилась, оцепенение прошло. Выбрался из окопа и подошел к сваям. Сержант, как мог, доложил ему суть дела. Полковник во время доклада, как бы соглашаясь, мелко тряс головой, затем тихим голосом попросил построиться.

Курсанты, в открытую смеясь над полковником, (дескать, очнулся, вояка хренов, когда бояться стало нечего), неторопливо пошли на площадку рядом с окопом. За ними побрел полковник, рядом шел сержант и тихо, чтобы не слышали курсанты, разъяснял, что надо взрывчатку реализовать, а иначе придется писать начальству очень не простое объяснение. Полковник махнул рукой: «Делай, что хочешь. А

сейчас – в лагерь».

Сержант, конечно, для курсантов не начальник, хоть и старше по званию. Его команды для них вроде как просьбы. Он и пыжиться не стал, сказал только: «Пошли, ребята, в лагерь в шеренгу по два». Метров пять сзади шел полковник. Только сейчас он стал понимать всю пакостность случившегося. Он, которого в войну никто не мог заподозрить в трусости, смалодушничал в рядовой ситуации. До него долетали возмущенные слова курсантов. Они впервые в жизни столкнулись с трусостью на таком уровне. В их представлении это была даже и не трусость, а предательство. Полковник предал их веру в поколение победителей, которые были для них как святые для верующих.

На территории лагеря полковник сразу же направился в санчасть, а на следующий день был отправлен в Москву на лечение. Позже во время учебного года, встречаясь в коридоре института со студентами, его бывшими курсантами, он опускал глаза, а студенты, наоборот, нагло усмехались. Все заметили, как он резко постарел: реже стали волосы и потускнели глаза.

На государственном экзамене по военному делу, который сдавали на пятом курсе, он, у которого и тройку-то получить было не очень просто, стал ставить всем четверки и пятерки, чем очень удивил сотрудников кафедры.

Сельскохозяйственный вредитель

"Хорошо быть молодым" - думал Черняев, заведующий отделением совхоза, сидя в компании таких же молодых и здоровых мужиков. Было воскресенье, день не рабочий, ранняя осень, тепло, солнечно. Урожай убрали и поэтому могли себе позволить немного отдохнуть. И повод был – их отделению по итогам работы за второй квартал вручили переходящее Красное знамя района. К нему и премия была положена.

Примета есть проверенная – не отметишь это событие как положено, – не получишь больше знамя, как ни старайся. Взять, к примеру, соседнее отделение. Хорошо работают, слов нет. А на знамя уже давно как-то не вытягивают. Заведующая у них – Зинаида Петровна не любит застолья. Мужики, как выпьют, глупости норовят говорить, не управишься с ними. В позапрошлом году получили знамя, объявили об этом на собрании, а праздновать не стали. И вот с тех пор как заклинило, другие получают, а они – нет.

Но у Черняева на этот счет все думали правильно. Отложили торжество – некогда было. А сейчас вот собрались. Решили – лучше без жен. Чтобы не обидно было, всем женщинам велено было остаться дома. Мужикам и без жен есть о чем поговорить.

Смотрел Черняев на своих соратников и радовался: это были его кадры, он их выдвигал, поддерживал. Ему самому было тридцать лет, а его бригадирам, заведующим фермами – и того меньше.

Сидели на берегу реки. Был там хороший уступ, ровный как стол. Удобно устроились. Травили анекдоты. О работе старались говорить поменьше. В части анекдотов был большой мастер заведующий племенной свиноводческой фермой Петро Штеменко. Откуда он их брал – никто и понять не мог. Живет вместе со всеми, никуда не

ездит, а как соберутся человека три, так он им новый анекдот и залепит. Вот и сейчас рассказывает их один за другим, веселит народ. И анекдоты-то не абы какие, а на близкие всем темы.

«Заболел ветеринар – начал он очередной анекдот – температура высокая, плохо ему. Жена как положено, позвала врача. Врач пришел, спрашивает больного: «Что болит?» А тот молчит. «Какая температура?» Опять молчит и к стене отвернулся. Врач к жене: «Он что - немой?» «Да нет, что вы. Какой же он немой?» Тут ветеринар заговорил: «Ты хорошо устроился. Все тебе расскажи. Этак и дурак вылечит. Я вот лошадей, коров лечу. Они-то мне ничего не говорят!»

Слушатели засмеялись, а Петро продолжил: «Врач крикнул: «Ладно» - говорит. Осмотрел больного и стал писать рецепт. Дает листок жене: «Получите в аптеке лекарство, разведите в ведре литров на десять воды, давайте больному по две кружки перед едой. Если через три дня не поможет – заколоть!» Хохотали все. Просили: «Ну, Петро, давай еще!»

Новый анекдот Петро начать не успел. Издалека заметили машину. Дорога была одна и машина ехала, конечно, к ним. Замолчали, подумали: «Что-то случилось». ГАзик подъехал прямо к их «столу». Из него вышли двое – директор совхоза и секретарь райкома партии. Вид у них был озабоченный и торжественный. Поздоровались, пригласили к столу. Гости не отказались. Выпили по стопке, закусили.

«Ну, орлы – сказал секретарь – привезли мы вам хорошую весть. У вас молодежный коллектив, все вы члены партии и поэтому мы решили, что с задачей государственной важности вы справитесь. По распоряжению Никиты Сергеевича министерство закупило за валюту в Америке трех хряков очень подходящей для нас породы. Элита! Центральный Комитет с Министерством решили отдать их в нашу область, а область выбрала наш район, а уж тут мы с Василием Сидоровичем – он показал рукой на директора совхоза – посчитали, что вашему отделению доверить эту работу можно. Задача - обеспечить элитной спермой хозяйства области. Так-то вот. Вся работа будет контролироваться Центральным Комитетом. Повезло вам, мужики, вертите дырки в пиджаках, награды за это не пожалеют. Ну, что, как вы на все это смотрите? Что скажешь, Иван Федосеевич?» «Благодарю за оказанное нам доверие. С задачей справимся» - с чувством сказал

Н.Л.Пирогов

Черняев, прижимая руку к сердцу.

«Все детали обсудим завтра на совещании» - сказал, прощаясь, директор совхоза. Машина с гостями уехала. Черняев посмотрел на Штеменко: «Петро, тебе этим делом заниматься, так что давай вместе думать, как его получше организовать». Веселье закончилось, решили ехать по домам.

Через неделю привезли этих хряков. Их сопровождал на машине инструктор райкома партии. Хряки были действительно загляденье. Их внимательно осмотрел ветеринар. Ни одного дефекта не обнаружил. Разместили свиней в специально подготовленном загоне. Несколько дней они должны проходить акклиматизацию, отдыхать, а затем – за работу. Были заготовлены специальные рапортчики, которые надо было заполнять ежедневно и отправлять в райком. Постоянно напоминали, что этим делом интересуется сам Никита Сергеевич.

Черняев потерял покой. Племенных хряков в его отделении было больше сотни и забот с ними никаких. Но эти трое отнимали все его время. Каждый день в отделении были какие-то комиссии, чуть не каждый час – телефонные звонки отовсюду. Звонили даже из Москвы. Всех интересовало состояние дел.

День начала отбора спермы приближался. Обставлено все было торжественно. Событие это можно было сравнить с пуском объекта в эксплуатацию в строительстве: все готово, разрезают красную ленточку и начинается выпуск продукции.

Ленточки здесь не было, но начальства собралось достаточно, никак не меньше полутора десятков. Технология этого дела была вроде бы несложная: хряк вскакивал на макет, думая, дурачок, что это настоящая свинья, а дальше все происходило как и в естественных условиях, только сперма попадала не туда, куда положено, а в специальную колбу. Отработавшего хряка отправляли обратно в загон, а сперму хранили в особых условиях и развозили ее потом по хозяйствам для искусственного осеменения. Экономисты подсчитали, что сперма этих хряков обойдется стране раза в три дороже, чем золото.

Черняев чувствовал себя именинником. Все проверил, все считал, все предусмотрел, ничего вроде бы не забыл. И вот выводят первого хряка. И нет, чтобы ему выйти из свинарника, как все свиньи ходят, так нет же – стал мотаться их стороны в сторону и у самого ко-

сяка ворот, где никогда не ступала нога ни одной скотины, попал задним копытцем в еле заметное углубление, провалился и сломал ногу. Открытый перелом. Орал так, как будто ему хвост по частям отрубали.

Это был неожиданный удар. Меры, конечно, приняли. Хряку, как положено, оказали помощь. Ногу заделали в шину, сняли боль и он лежал теперь в своем загоне. Будь это другой, наш, советский хряк, с ним бы не церемонились, живо бы отправили на мясо. А этого надо лечить. Но все понимали, что он вышел из строя надолго, если не навсегда.

Комиссия была в трансе. Черняева не ругали, его жалели, а это было еще хуже. Решили коллегиально, что сообщать об этом пока никому ничего не нужно, как будто бы к работе еще и не приступали. Наметили проверить все, что можно, еще раз и через два дня начать дело заново с другими хряками. На этом и разошлись.

Черняев пришел домой чернее тучи. Жена уже знала о неприятности и молча жалела его. Черняев хлопнул без закуски стакан водки и лег спать. Ночь провел тревожную: снились свиные рожи, которые почему-то участвовали в различных эпизодах, описанных Гоголем в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Всю ночь пришлось вертеться между ними. Проснулся весь в поту, уставший, не отдохнувший.

С утра опять занялся этими хряками, наперед выдумывая, какие еще могут быть случайности. Два дня пролетели быстро. И вот снова собралась комиссия. Праздничного настроения уже нет, в воздухе висит какая-то напряженность. Выводят очередного хряка. Он благополучно миновал ворота, на которых застрогали рубанком все шероховатости, подошел к макету, который, как положено, обеспечили знакомым ему запахом, возбудился, разъярился и с небольшого разбега вскочил на макет, который ... о, ужас!, развалился под ним вдребезги.

Хряк такой реакции от любовного партнера не ожидал. Комиссия – тем более. Упал он, больно ободрав живот об остатки разрушенной деревянной конструкции. Члены комиссии остолбенели. Черняев чувствовал себя самым несчастным человеком на свете. Никто его уже не жалел. Если с первым хряком был просто несчастный случай, рок какой-то, то ответственность за второго хряка начальство повесило на Черняева. Досталось и директору совхоза.

Н.Л.Пирогов

Черняев понимал, что виноват. Надо было предусмотреть, предвидеть, знать, наконец, что раз американский хряк тяжелее наших пуда на три, то и конструкция должна быть мощней.

О неудаче с забором спермы пришлось сообщать в область. Доложили ли они в Москву, никто не знал, но из обкома партии приехал на следующий день инструктор и контролировал теперь каждый шаг местных руководителей.

В ударном порядке ночью построили новый великолепный макет. Проверили его на всех режимах. Здоровенный скотник Василий с разбегу пинал его яловыми сапогами и сзади, и спереди, и с боков. Ведь кто знает, как его будет атаковать американец. Макет стоял не шелохнувшись. Попинал макет и директор совхоза, зло бормоча, что сам бы лучше сдал сперму на этом макете, лишь бы прекратилась эта нервотрепка.

Вывели вчерашнего хряка, а он ни в какую: даже подходить к макету не хочет. Делать нечего, сообща решили дать ему перерыв в три дня. Пускай все забудет и начнет любовь с макетом с чистого листа. Третьего хряка берегли, как зеницу ока, он оставался как бы резервом главного командования, последней надеждой.

Все страдали от неудачи, Черняев – больше всех. Ветеринар и Петро Штеменко, на ферме которого и происходили все эти события, решили исправить положение. Ветеринар в спешном порядке просмотрел литературу по технологии искусственного осеменения и вычитал, что дело можно исправить просто – случить хряка с настоящей свиноматкой и после этого тот должен забыть свои неприятности с макетом и все наладится. Сказано – сделано. Задуманная операция прошла прекрасно. Хряк выполнил свои обязанности без всякого принуждения.

Прошло три дня. Хряк, так прекрасно работавший с живой натурой, к макету не хотел и приближаться. Как ни бились, ничего не получалось. Кто-то из персонала фермы протрепался про метод восстановления, который применили к хряку Петро с ветеринаром. Высокая комиссия, единодушно осудив их «метод», весь гнев обрушила на Ивана Черняева, в хозяйстве которого нет никакой дисциплины и каждый делает, что хочет, не понимая важности государственной задачи, которую им поставило руководство страны.

В общем, дело было дрянь. Оставалась последняя надежда – третий хряк. Все это время ему давали лучшие корма, у загона постоянно дежурили, сменяя друг друга, свинарки, чтобы не дай Бог чего-нибудь не случилось. Наконец, решили пустить его в дело.

Хряк 3-ий, как уважительно называли его члены комиссии, повел себя правильно. Обойдя макет и шумно понюхав, где надо, прореагировал, как нужно, показав всем свое великолепное достоинство. У комиссии отлегло от сердца: ну, слава Богу, все, видно, закончится благополучно.

Без промедления хряк оседлал макет, но тут же с визгом спрыгнул с него и стрелой помчался в свинарник. Ветеринары бросились разбираться с животным, а начальство – к макету. И увидели то, что трудно было и предположить: та трубочка, которая вела к колбе, выполненная мягким материалом, имела небольшой дефект – внутрь загнулся уголок этого материала и, намазанный клеем, затвердел. Нетрудно представить, как пострадал основной инструмент бедного хряка.

Все поняли, что это конец. Задание партии и правительства сорвано. Исправить ничего нельзя. Осталось одно – определить виновных и наказать их. Кто главный виновник – ясно всем. Это Черняев. Он это хорошо понимал и готов был понести наказание. Но когда на следующий день его вызвали в райком и сказали, что Москва требует главного виновника исключить из партии и снять с работы, а остальных провинившихся наказать по партийной линии помягче, но от работы тоже освободить, все нутро его восстало против такой несправедливости.

Первый секретарь на официальной беседе вел себя так, как будто и не было никогда с Черняевым никаких хороших разговоров, как будто не хвалили его в газетах, не присваивали переходящих знамен его отделению. Мало того – назвал Черняева сельскохозяйственным вредителем. Хотел было Иван возразить, что, во-первых, он не вредитель, а, во-вторых, так называют вредных насекомых, а не людей. Но во время сдержался: в его положении спорить – себе вредить.

Приехал в село и сразу же пошел в медпункт. Болезнь выдумывать не надо было: сердце колотилось так сильно, что, казалось, выскочит из груди. Сделали кардиограмму и велели лежать и не

Н.Л.Пирогов

шевелиться. Это был сердечный приступ.

Прошло несколько дней и в газетах появилось сообщение об Октябрьском пленуме ЦК КПСС, который отстранил Хрущева от власти. Москва сразу потеряла интерес к делу с американскими хряками. А что касается судьбы американцев, то первый хряк выздоровел. Кость на его ноге срослась удачно и он долго и успешно трудился на благо отечественного сельского хозяйства, отдуваясь, видно, за своих неудачливых собратьев, которые так и не набрали нужной кондиции.

Флирт

У приятеля пропала путевка в Египет на две недели на курорт в Хургаду. Предложил поехать Василию Ивановичу, он согласился, быстро все согласовал и с семьей, и с работой и уже через три дня был на берегу теплого Красного моря.

Что делают одинокие мужики на курорте? (Кстати, и женщины – тоже и с не меньшим успехом). Правильно, флиртуют. Василий Иванович был не хуже и не лучше других, он был нормальный мужик и поэтому вел себя, как все, то есть времени решил зря не терять и побыстрее с кем-нибудь познакомиться. Надо сказать, что основания для удачного знакомства у него были. Выглядел он очень неплохо, хоть и лет ему было не мало: хорошо за пятьдесят. Но при этом сохранил еще стройную фигуру и умение развлекать женщин.

В первый день огляделся, сориентировался в части экскурсий, выбрал из множества вариантов три поездки, одна из них выглядела очень заманчиво: путешествие на необитаемый остров. Отправиться туда нужно было завтра утром и в тот же день вечером возвращаться. Что ж, прекрасно. Со всеми можно перезнакомиться, а там видно будет, как действовать. Таков был первичный план.

Перед посадкой в автобус заметил компанию: три милovidных женщины средних лет и один мужчина, рассказывающий им анекдоты. Присоединился к ним. Сначала слушал, что они рассказывали, потом сам стал рассказывать. Познакомились. Все шло как надо. Василий Иванович был очень неплохим рассказчиком и уже минут через пять вся компания слушала только его. Хохот стоял несмолкаемый, прерывавшийся только на то время, что требовалось для рассказа очередного анекдота. Женщины смотрели на него с восхищением, он стал своим человеком в их компании.

Впереди был целый день, и с удачно завоеванного плацдарма можно было успешно вести наступление по уже отработанным стандартным схемам. Надо только поточнее выбрать объект усиленного

Н.Л.Пирогов

внимания. Женщин-то было трое, а выбрать надо одну. Но эта задача уже попроще. Тут главное было в определении настроения самих женщин.

На удивление и здесь повезло. Одна из женщин, блондинка лет тридцати пяти, статная, симпатичная уж больно откровенно, но вроде бы нечаянно, стала опираться на его плечо. Василий Иванович заметил в ее сумочке сигареты: значит, курит. Следующие действия уже не вызывали никакого сомнения: надо с ней покурить.

Как известно, совместный перекур, как и выпитая бутылка спиртного быстро сближают людей. Василий Иванович незадолго перед поездкой бросил курить и очень этим гордился. Но решил без колебаний, что в данном случае начать курить просто необходимо. Да чего там необходимо, просто дураком будет, если не покурит с этой блондинкой.

Извинился и решительно двинулся к табачному киоску, который был буквально в трех шагах. Купил пачку Мальборо и зажигалку. Продавец проверил зажигалку, чиркнув ею разок и убедившись, что она исправна. Блондинка сама предложила закурить. Да, везет просто на удивление. Пока Василий Иванович распечатывал пачку, она уже задымила.

Кто бросал курить, знает, как приятна сигарета после небольшого перерыва. Василий Иванович предвкушал это удовольствие, не торопился. Понюхал сигарету, помял ее немного в руках, взял в рот, достал из кармана зажигалку, поднес ее к кончику сигареты и ... и случилось невероятное: из зажигалки вырвалось такое пламя, что со стороны похоже было на факел. Весь газ, который был в зажигалке, сторел сразу, полыхнув по лицу Василия Ивановича. Он вздрогнул, но боли сначала не почувствовал. Подошел к автобусу, заглянул в боковое зеркало и увидел ужасное: лицо было разделено на две части вертикальной черной полосой от верхней губы до верха лба. Полоса была шириной сантиметра три, и в ее пределах выгорело все – волосы на усах, ресницы, опалились даже волосы на голове. Хорошо, что глаза не пострадали.

Ситуация была такая, что нужно было держать фасон, быть мужественным. Василий Иванович повел себя как настоящий мужчина: повернулся к людям и рассмеялся. Видя такую реакцию пострадав-

шего, народ захохотал так, как не веселился ни от одного его анекдота.

Василий Иванович снова посмотрел в зеркало и обомлел: на кончике его носа обозначился волдырь диаметром с копеечную монету. Он рос прямо на глазах, увеличиваясь в объеме. Это был крах, конец всем надеждам. С такой рожей надеяться на успех было бессмысленно. Теперь надо было достойно выходить из игры, не потеряв лицо. Подумал так про себя и усмехнулся: «Лицо! Да какое же это лицо? Не рожа даже, а харя!»

Мысли крутились быстро-быстро. Основная опасность была в том, что не дай Бог этот волдырь лопнет и воспалится, то на носу на веки вечные появится круг, как пятачок у свиньи. С таким носом жить будет сложно. Да, вот попал, так попал. А как все хорошо начиналось!

Положение сложилось хуже вроде бы и не куда, но и оно чуть было не усугубилось. Торговец зажигалками, увидев случившееся и чувствуя свою вину, подбежал и стал оправдываться, дескать, он проверял же зажигалку, она была исправная. Успокоили его: не волнуйся, претензий к тебе нет. Он взбодрился, нашел в своем хозяйстве кусок ваты, намочил ее какой-то жидкостью, пахнувшей одеколоном, и хотел было начать оттирать лицо пострадавшего. Слава Богу, что его вовремя остановили. Еще бы немного и случилось бы непоправимое: он точно бы содрал этот здоровенный волдырь. Остановила блондинка, и этот ее благородный жест подсказал Василию Ивановичу решение: «Рано сдаваться, поеду на этот чертов остров, а там будь что будет!»

Сел в автобус рядом с блондинкой. Обстоятельства обязывали поддерживать статус весельчака и балагура, который был завоеван в предыдущие десять минут. Соседка помогла привести лицо в относительный порядок. Каким-то кремом намазала обожженную кожу, насколько возможно убрала следы копоти.

И вот после небольшого перерыва Василий Иванович, как говорится, снова вышел на эстраду. Эффект был поразительный. Только он начал рассказывать какую-то байку, ближайшие соседи, взглянув на него, стали неудержимо хохотать. Веселя публику, стал хохотать и он. Рассказывать больше ничего не стал. Посмотрел внимательно в зеркало и понял, что с такой рожей можно молча улыбаться и успех у публики будет обеспечен. Оставшиеся от обработки огнем две половинки усов и выросший до невероятных размеров волдырь на носу де-

Н.Л.Пирогов

лали лицо настолько смешным, что позавидовали бы и профессиональные клоуны, которые нередко годами ищут свой образ.

Но это была не его роль. Всю жизнь работая начальником, он привык веселиться тогда, когда он сам захочет. Но чтобы хохотали над ним, причем без его желания – такого с ним еще не было никогда. Надо было перестраивать поведение. Смешить народ своим видом – это было непереносимо. Василий Иванович посерьезнел, затих. О нем вроде бы и забыли. Из автобуса вышел последним. Погрузились на небольшой кораблик. Плыли недолго и вскоре причалили к берегу крошечного песчаного острова без всякой растительности. Его размер был такой, что, находясь на любом берегу, можно было увидеть весь остров.

Путь до высадки из корабля Василий Иванович проделал, ведя умные разговоры с соседкой, стараясь при этом не смотреть в ее сторону. На острове сказал ей, что он один побродит по берегу. Она согласилась сразу и тут же упорхнула к своей компании, оставив ему по его просьбе маленькое зеркальце. Вот с этим зеркальцем он и провел весь день, стараясь держаться подальше от людей, которые развлекались, как могли: играли в волейбол, ныряли, плавали, ловили рыбу, пили вино, водку, пиво.

Да, это было издевательство над человеком, над ним, Василием Ивановичем, который смотрел на это веселье и с грустью думал, какой же он дурак, что не мог вовремя сообразить, что после того, как обжег себе нос, не надо было ехать на эту экскурсию. А все эта блондинка. Ведь если б не она, точно бы не поехал.

В середине дня была организована легкая закуска, заменяющая обед. Голод не тетка, даже с таким экзотическим носом есть все же необходимо. Пристроился к краю стола, где были одни мужчины, выслушал от них искренние соболезнования, наскоро выпил рюмку водки, пожевал кусочек колбасы и тихонько удалился. Пошел на корабль и просидел там в теньке, тихо и в одиночестве страдая, до отпльтия.

При погрузке утренняя веселая компания, в которой он так успешно начал блистать, его как бы и не замечала. Удивительно, но не замечала и блондинка. Подумал: «Вот змея!» С одной стороны, это, конечно, обидно, а с другой – хорошо, спокойней, не надо головой вер-

теть и выдумывать темы для разговора.

Находясь в тени общего возбужденного веселья, без приключений добрался до отеля. Блондинка немного реабилитировалась в его глазах: перед расставанием подошла, спросила, как дела, предложила утром встретиться на море. Василий Иванович на все был согласен, лишь бы скорей скрыться от людей.

На следующий день у него начался особый период. Это был отдых в прямом смысле слова. Еще с вечера, позвонив по мобильному телефону жене и узнав, как нужно лечить ожог (ей сказал, что на руке), тут же стал, как положено, врачевать свой нос. Вечером же сбрил остатки усов и окончательно отмылся от копоти. Каждый день рано-рано утром убежал по берегу в абсолютно безлюдное место, делал зарядку, плавал, немного загорал. Пищу принимал, когда людей в ресторане почти не было. Днем в жару сидел в номере, читал, вечером вместо всяких мероприятий (кино, игры, танцы) опять занимался физкультурой, спрятавшись от людей.

Так прошло дней восемь. Следы ожога были почти незаметны, лишь облупившийся нос напоминал о былой неприятности. Оставшиеся два-три дня провел как все отдыхающие, даже поучаствовал в экскурсиях. За время вынужденного затворничества приобрел великолепную физическую форму. Бывший спортсмен, он и раньше следил за своим телом, а сейчас, в одиночестве, просто любовался им. Раздевался догола и вертелся перед большим зеркалом, напрягая мышцы, вздыхал: «Да, Вася, не повезло тебе, пропал отпуск!»

За день до отлета встретил на пляже ту самую почти забытую блондинку. Рядом с ней шел какой-то невысокий мужчина. Поздоровались. Света (так она представилась тогда еще у автобуса) вела себя как-то виновато, стесняясь. Василий посмотрел внимательно на обоих. Господи, Света-то и не блондинка вовсе. По всей голове были видны черные, отросшие за две недели, волосы. Да какая же ты Света? Твое имя должно быть Тамара или Нина. А мужик-то, е-кэ-лэ-мэ-нэ, просто плюгавый какой-то. Откуда такие только берутся? Пузатый, лысый, низкорослый. Видно, у него были другие, невидимые миру достоинства. Простились как-то суетливо и разошлись. Мелочь кажется, а стало полегче. Вывод ясен: Света не была бы приобретением. Смешно стало, посмотрел им вслед: «Будьте счастливы, дети мои!»

Н.Л.Пирогов

Дома, в Москве, жена восхищалась: «Вася, выглядишь просто прекрасно. А я боялась тебя одного отпускать. Очень беспокоилась, как бы ты с пути не сбился. Как сейчас, ты таким красивым давно не был. Все морщинки разгладились. Молодец! А знаешь, на второй день, как ты уехал, у меня так кольнуло сердце, а потом дня три побаливало. Сейчас-то не болит, все нормально».

Василия Ивановича вдруг осенило. На второй день, да это как раз, когда я себе нос подпалил. Уточнил время, совпало все до минуты. Обнял жену, подумал: «Радость моя, сердце у тебя кольнуло потому, что этим сердцем ты мне по носу звезданула».

Вот ведь как в жизни бывает.

Благодарность

Михаил Иванович собирался ехать с дачи в Москву. Жена подносила к машине одну коробку за другой с овощами и фруктами. Чего тут только не было: картошка, огурцы, помидоры, кабачки, баклажаны, зелень всякая, яблоки, ягоды. Забит был весь багажник автомашины, кое-что лежало и в салоне.

Задача была – отвезти дачный урожай сыну. С дороги связался с ним по телефону. Сын был где-то не дома и стал убеждать, что продукты ему не очень и нужны. Михаил Иванович обиделся, возмутился, но виду не подал. Ответил коротко: «Ну, что ж, не надо, так не надо» и закончил разговор.

Куда девать это добро, долго не думал. Решил как-то сразу, что все, буквально все отдаст бабке, которая каждый день стоит в метро, раздавая прохожим листочки с рекламой какого-то лекарства. Лет ей на вид за семьдесят и, конечно, не от хорошей жизни она занимается этим, довольно неприятным делом.

Сказано – сделано. Подъехал к метро. Бабка была на месте, работала. Подошел к ней и, немного стесняясь, стал ее просить: «Мамаша, хочу угостить. У меня тут в машине овощи, фрукты. Машина рядом, вон она. Возьми бы все это». Старая женщина подошла к машине. Она не могла поверить, что столько много продуктов дают ей бесплатно. С какой стати, почему?

Михаил Иванович объяснил, что вез их приятно, а оказалось, что тот в командировке. Ему самому это не нужно. Не на рынок же теперь ехать? Когда старушка уяснила ситуацию, лицо ее просияло. Отказалась почему-то от предложения подвезти продукты к дому. Стала благодарить Михаила Ивановича, желая ему, его семье, родственникам, всем знакомым счастья и долгих лет жизни. При этом непрерывно кивала головой, как бы кланяясь.

Михаил Иванович, освободившись от продуктов, почувствовал себя человеком, совершившим благородный поступок. Оно так и

Н.Л.Пирогов

было: помог пожилой женщине. Ведь этих припасов ей хватит не меньше, чем месяца на два. Настроение, которое не желая того, немало испортил сын, явно было приподнятое.

На следующий день утром, спеша на работу, увидел в метро эту бабку. Она занималась тем же делом, что и раньше – пыталась всунуть в руки прохожим свои рекламные листочки. И она увидела Михаила Ивановича. Рванулась к нему с несвойственной для ее возраста скоростью и стала искренне благодарить и желать, как и вчера, всего хорошего, что есть на белом свете – здоровья, богатства, любви, уважения. Еле отбилась, убеждая, что ему это ничего не стоило и не нужно придавать этому такое большое значение.

Вечером, возвращаясь с работы, неожиданно лицом к лицу столкнулся с этой же бабкой. Ее утреннее выступление повторилось почти в точности. Михаил Иванович теперь не знал, что и говорить, отвечая на ее благодарственные слова односложно: «Не стоит», «Не надо», «Не придавайте этому значения». Расстался с нею, чувствуя неприятный осадок, как бывает, когда столкнешься с тем, что тебе не нравится, не по нутру.

На следующее утро он был умней. Перед вестибюлем метро остановился, увидел, где находится эта бабка, и сумел проскочить мимо нее незамеченным. А вечером, потеряв бдительность, опять попал в поле зрения этой старушки. И опять выслушал полный комплект благодарственных слов. Но в этот раз слушать ее до конца не стал и, попросив ради Бога больше не благодарить его, быстрым шагом, почти бегом ушел от нее.

Благородный поступок Михаила Ивановича здорово осложнил его жизнь. Входить в метро ему теперь пришлось, делая приличный крюк, и при этом быть постоянно настороже, не терять бдительности. Но, несмотря на это, как-то раз старушка все же заметила его и быстро двинулась в его сторону. Пришлось спасаться бегством. После этого случая он резко повысил бдительность, далеко обходя «опасное» место. И, видно, поэтому больше не сталкивался с «вредной» бабкой.

Проходила неделя за неделей и эти события стали потихоньку забываться. В один из дней сотрудник, которому он когда-то очень помог, и тот, сияя от счастья, долго благодарил Михаила Ивановича, совершил преоганый поступок, попросту предал его.

Благодарность

Невольно в памяти всплыл образ той старушки, ее светлое лицо и ясные, благодарные глаза. Подумалось: «А уж она-то никогда бы подлости не сделала». Горько упрекнул себя: «Не мог уж потерпеть. Пускай бы она благодарила, ведь это ее плата за то хорошее, что ты для нее сделал. Ведь она по-другому и не могла себя вести. Что же ты хотел, чтобы она сказала: «Спасибо!» и больше тебя не замечала? Да, некрасиво получилось. Ведь, фактически, ты ее обидел».

Решил как-то исправить положение. Стал нарочно ходить мимо того места, где она обычно стояла. Но так ее никогда и не встретил. И с тех пор каждый раз, входя или выходя из метро на этой станции, с горечью вспоминал эту безобидную старушку, которой он не дал возможности отблагодарить себя так, как она хотела, проявив, по сути дела гордыню, что по христианским канонам (он знал это) является большим грехом. Михаил Иванович не был верующим. Но как-то само собой вырвалось: «Прости меня, Господи!» И стало легче.

Сервис по-европейски

В конце 70-х довелось быть в короткой, дней пять, командировке в Австрии. Был вдвоем с коллегой – директором проектного института. Принимала нас организация, название которой в переводе на русский длинное и мудреное, но, по сути, она была аналогом нашего тогдашнего Госстроя, законодателем и контролером в строительстве.

Принимали очень радушно. Были мы без переводчика. Я немного говорил по-английски, мой спутник тоже немного – по-немецки. Кое-как понимали наших хозяев. В трудных случаях они пытались давать пояснения на ломаном русском языке. Постоянно подчеркивалось, что готовы нам оказать любую услугу, дать любое пояснение, показать все, что только пожелаем.

Их фантастическая гостеприимность не то, чтобы расслабляла, а, наоборот, способствовала выдумыванию нами разных мелких просьб. И понять нас можно было, ведь буквально, что ни попросишь, тут же делается и делается с улыбкой. Слегка обнаглев от такого обхождения, я как-то попросил рюмку водки во время обеда в ресторанчике, расположенном на центральной площади Вены рядом с ратушей. Наши сопровождающие с улыбкой и пониманием восприняли эту просьбу, дескать, русский есть русский, ему, конечно, нужна водка, как же он без водки.

Передали просьбу официанту, тот исчез и долго не появлялся. А я ждал, обед остывал, австрийцы, вижу, нервничают. Я им стал объяснять, что без водки могу свободно обойтись, ради Бога, пускай не беспокоятся, ничего не надо. В ответ замахали руками, убеждая подождать, не принимать пищу. Ну, что поделаешь, жду.

Минут через 20 принесли маленькую колбочку с широким дном и узким горлышком, закрытую яркозеленой воощеной бумажкой, перевязанной желтой ленточкой. Содержимого в этом сосуде было граммов 80. Возникла новая проблема – на столе нет рюмок. Официант пошел за ними и опять пропал.

Сидим, маемся, уж и говорить не о чем. Ну, думаю, ладно, махну я эту водку прямо из колбы, что людей-то мучить. Опять же закреплю в их сознании стереотип, что русские пьют водку, как воду. Ну, и выпил в два глотка! Сквозь маску вежливости у австрийцев явно проглядывала уверенность в их представлении о сути загадочной русской души, которую я, смею думать, сильно укрепил.

Что же касается странного отсутствия в ресторане водки, то я так и не понял, с чего возникла эта проблема, почему вдруг ее не оказалось? В результате водку, как нам объяснили, принесли из запасов рагуши, предназначенных для приемов важных гостей.

Вена – прекрасный город, красивый, ухоженный. Ритм жизни спокойный и деловой. В конце командировки выдалось свободных несколько часов. Гуляем по городу, любуемся уникальными зданиями, умиляемся маленькими, словно игрушечные, трамвайчиками, которые двигаются по рельсам, выписывающим крутые кривые по узким улицам.

Шиллингов у меня уже не осталось, и поэтому было ощущение полной свободы от обязанностей что-либо покупать. А у моего приятеля было положение другое: 200 шиллингов жгли ему руки, их нужно было куда-то пристроить. Ну, не сдавать же их как остаток при оформлении авансового отчета по командировке?

Вдруг видим вывеску, на которой нарисованы очки. Спутник мой сразу принимает решение купить себе хорошие очки и на этом закончить эпопею траты денег, тем более, что ниже рисунка обозначена и цена – 180 шиллингов. Прекрасно, денег хватит с запасом, может остатков достаточно будет и в кафе сходить.

На пороге магазинчика стоит хозяин, пожилой улыбающийся человек. Уточняем у него цену. Да, цена 180 шиллингов. Мой приятель самостоятельно выясняет, подбирают ли очки при продаже? «Да, конечно», – отвечает австриец. При этом пытается что-то объяснить. Я не вникаю, не мое вроде бы дело, а моему спутнику тоже это показалось неинтересным, он остановил австрийца жестом, понятным всем людям на земле – скрещенными руками, добавив на словах, что сделать нужно получше. Хозяин поднятым кверху большим пальцем зажатой в кулак кисти, жестом, также понятным всем землянам, убеждает, что все будет прекрасно. В общем, договорились.

Н.Л.Пирогов

Знакомимся, даем свои визитные карточки, что делали часто для того, чтобы подчеркнуть, что мы солидные, серьезные люди и должности занимаем немалые. Австриец, и так предельно вежливый, поднял градус обходительности и уважения на несусветную высоту. Только что на руках нас не носил.

Уточнив, кому нужны очки, хозяин предложил мне посидеть в кресле под навесом у магазина, подав мне чашечку кофе, а моего приятеля, полуобняв, увел в какую-то темную комнату, дверь которой была задернута черной портьерой. Один я не просидел и минуты. Из темной комнаты, из которой слышалась тихая музыка, выскочил мой коллега буквально с вытаращенными глазами на красной физиономии.

«Слушай, это какая-то провокация! Там девка почти голая и ко мне пристаёт! Бежим отсюда!»

За приятелем следом вышел хозяин. Лицо обескураженное. Пытается пояснить по-немецки, по-русски и жестами, что там, в комнате – подбор, подбор очков, что все делается, как надо и все будет хорошо, господам не надо беспокоиться. Успокаиваю и я приятеля: «Может зря волнуешься? Может что-то мы не понимаем?»

Тут выглянула из комнаты та самая девка. Возраст – лет 18, на теле – один халатик нейтрального цвета, полы которого проходили на уровне критической отметки, когда чуть выше – и хорошо будут видны интимные детали. Волосы длинные, распущены и лежат на спине. Улыбка спокойная и загадочная. Да, думаю, хороша, есть от чего встревожиться.

Но раз дело начато, надо его все же закончить. Убеждаю приятеля потерпеть, смириться. Специалисты, дескать, знают, что надо делать. В общем, иди, не бойся. Еле уговорил. Только сел, глотнул раза два кофе, опять выскакивает из той комнаты мой коллега, на лице – ужас: «Она с меня брюки снимает, уже шнурки на ботинках начала развязывать! Не пойду больше!»

Опять появляется австриец с виноватой улыбкой на лице. Втолковывает нам, что не брюки, а ботинки должны быть сняты. И опять я убеждаю приятеля продолжить сеанс. Австриец, до этого момента, очевидно, совсем не представлявший, что мы абсолютно и полностью не понимаем его методику подбора очков, решил объяснить нам все в подробностях. Взял лист бумаги, схематично изобразил человека, си-

дящего в кресле. Ноги его опущены в таз с водой. Смысл был в том, что тихая музыка, полутемная комната, ласковая девушка, которая снимает с клиента ботинки, носки и опускает его ноги в теплую воду, при этом поглаживая и расслабляя его, в максимальной степени способствуют стабилизации всего оптического механизма глаза и позволяют подобрать лучшие линзы для очков.

Да, к такому сервису мы были не готовы. Даже когда все стало ясно, мой приятель, как он потом рассказывал, сидел в этом кресле, как на сковородке. Ситуация осложнилась еще и тем, что от носок моего коллеги, не менявшихся четвертый день, исходил легкий аромат, который никак не способствовал его спокойствию.

Но дело в конце концов было сделано, очки подобраны. Они оказались очень удачными по качеству, несмотря на все трудности и препятствия, связанные с их выбором. Пережив все это, мы с хозяином выпили по чашечке кофе и в результате остались очень довольны друг другом. Очки были упакованы в красивую коробочку и перевязаны шелковой ленточкой. Все это сделала та самая девушка, которая обеспечивала качество работы.

Хозяин неторопливо выписал счет и подал его нам. Там значилось 740 шиллингов. Приятель мой, переживший только что столько стрессов, к последнему испытанию был не готов. С тупым ужасом смотрел на счет.

Я же решил узнать, нет ли здесь ошибки? Ведь на вывеске стоит цена – 180 шиллингов! Австриец ласково, опустив на мое плечо руку, стал объяснять, что 180 – это цена самих очков. Покажите пальцем на любые очки на витрине – и они будут вам стоить 180 шиллингов. А вы же сами просили очки подобрать. Вот вам и подобрали. Я господину (он показал рукой на моего товарища) хотел рассказать, какие есть варианты подбора очков, но он посчитал это ненужным. Сделать лучше – была ваша просьба. Что мы сделали – это самое высокое качество. Но если у господ не хватает денег, такое бывает, то можно заплатить позже по счету, который я вышлю. Адрес ваш есть, он указан на визитной карточке. Не беспокойтесь, если будет нужда, заходите еще, всегда будем вам рады.

С трудом держа улыбку на лицах, чувствуя себя коренными жителями глухой таежной деревни, появившимися в столичном городе,

Н.Л.Пирогов

покинули этого гостеприимного хозяина.

Примерно через месяц получили счет. Он прошел по официальным каналам через бухгалтерию министерства и, как было положено по законам того времени, за перерасход валюты в командировке вычли с моего приятеля за эти очки в рублевом эквиваленте в десятикратном размере, что существенно превышало его немаленькую месячную зарплату директора института.

Да, недешево стоит изучение особенностей европейского сервиса.

Деликатность

Виталий заканчивал аспирантуру. Все складывалось нормально, скоро защита диссертации, а там – месяц отдыха. Последние полгода трудновато было. Тема его работы новая, не затертая. Пришлось много порыться в архивах, поездить по предприятиям. А аспирант, практически, везде нежеланный человек. Его задача – добыть нужный ему материал. А для организации, где он «копает», толку от него никакого. И он это знает, и работники организации прекрасно это понимают.

Слов нет, тяжело давалось добывание фактов. Истощился Виталий, побледнел. Но все-таки настроение у него было неплохое: дело-то ведь, практически, сделано. Близок финиш. Неторопясь оформляет кое-какие справки, раздает книги, журналы, которые брал у приятелей. Пришел рассчитаться с долгами и в институтскую библиотеку.

Библиотекарша, пожилая женщина, смотрит на него загадочно и строго, взгляд ее, кажется, так и жжет душу. «И что это она на меня уставилась?» - думает Виталий. А та, вместо того, чтобы проверять формуляры книг, беседу затеяла: «Какая у вас тема диссертации? Кто научный руководитель? Когда вы защищаетесь?» Виталий отвечает на все вопросы и сам спрашивает: «Извините, а почему вас все это интересует?»

«Да знаете, - говорит библиотекарша – есть одно деликатное дело. Сказать об этом сейчас не могу. Но вот после защиты вы придете подписывать обходной листок, и я вам все объясню». Пожал плечами Виталий и ушел. Прошло дней десять. Он уже забыл об этом разговоре. Защита диссертации прошла на «ура», а банкет после нее вообще выдул из головы все ненужные мысли и заботы. На душе было легко и приятно.

Стал оформлять увольнение, пошел по инстанциям подписывать обходной лист. Настала очередь и библиотеки. Вот тут-то ему библиотекарша и пояснила, что это за «деликатное дело». «Я – говорит – не хотела вам настроение портить перед защитой диссертации. Книгу вы у нас украли». Виталий, открыв рот от изумления, не знал что и

Н.Л.Пирогов

сказать, а библиотекарша, не останавливаясь, зачастила: «И не надо меня переубеждать, никаких сомнений у меня на этот счет нет. Вы стояли у этого стенда, там была книга «Секреты половой жизни». Это новая книга, вы ее сняли со стенда, полистали, и после этого она исчезла».

«Помилуйте, вы ошиблись. Эту книгу я вообще не видел, слышу о ней впервые. И взять ее я никак не мог».

«С вашей стороны это просто некрасиво. Я думала, вы признаетесь. Я ведь своими глазами видела, что украли ее вы».

Виталий был ошарашен. У стойки выдачи книг находилось еще человек пять аспирантов и преподавателей и они, конечно, все слышали. Позор, да и только. «Да поймите, еще раз вам говорю, не видел я эту книгу вообще, не знаю даже о ее существовании». «А я вам говорю, – тихо, каким-то ласковым голосом, как говорят с любимыми набезобразничавшими детьми, продолжала библиотекарша – книга пропала, а что взяли ее вы, я в этом не сомневаюсь. Но никаких последствий не будет. Цените нашу деликатность». Она поджала губы и переключила внимание на другого человека.

Виталий постоял секунд десять, да и пошел прочь. Что делать, он не знал. Жаловаться не на что. Претензий к нему нет. А то, что его фактически назвали вором – кого это волнует? Помнился этот случай ему очень долго. Не годы даже, а десятилетия спустя, при воспоминании о «деликатности» библиотекарши и тошно, и поганно становилось на душе.

Дело с трубой

Ивану Черняеву здорово не повезло - накануне революционного праздника он попал в инфекционный корпус больницы. Причиной, как выяснилось позднее, послужило обычное отравление каким-то несвежим продуктом. Но по жестким медицинским правилам нужно было пробыть в больнице до тех пор, пока анализы не покажут отсутствие вредных бактерий. Ну, а если инфекция обнаружится, то делать нечего – придется проходить курс лечения.

В общем, лежит он в больнице здоровехонький, книги почитывает и соображает, как бы уговорить врачей отпустить его поскорее домой. И не думал он и не гадал, что в ближайшее время ждет его испытание, которое надолго ему запомнится.

Каждое утро проводился врачебный обход. Доктора беседовали с больными, контролировали ход лечения. Это были квалифицированные специалисты, многие из них преподавали, имели студентов и аспирантов. Перед обходом некоторым больным очищали кишечник. Няньки по-современному называли эту процедуру "клизмотроном".

Вот как-то во время очередного обхода в палату, где лежал Черняев вместе с пятью такими же бедолагами, зашел врач, ну просто вылитый доктор Айболит, как его рисуют в книгах Корнея Чуковского: пожилой, седенький, лысенький, в очках, необычайно шустрый и говорливый. А с ним группа студентов, а вернее - студенток, парень среди них был всего один.

Айболит еще в коридоре что-то им рассказывал о методах исследования прямой кишки. Войдя в палату, продолжал свои объяснения, по-ученому называя приличных размеров стеклянную трубу, которую несла одна из студенток. Обвел глазами палату, поверх очков внимательно разглядывая лица больных, остановил взгляд на Черняеве со словами: "Ну вот давайте попросим этого молодого человека. Вы

Н.Л.Пирогов

ведь не против провести небольшое обследование?" Да нет, не против"- сказал Иван, не подозревая, что его ожидает. "Тогда встаньте, пожалуйста, повернитесь спиной к окну, обопритесь на стульчик, наклонитесь". Он установил тело Ивана в нужное положение.

"А теперь, Виктория, - он обратился к одной из студенток, - сделайте то, чему я вас только что учил". Выбор Виктории был не случаен. Это была невысокая, ширококостная, грудастая девица. Имя Виктория ей явно не подходило, больше соответствовало бы Матрена, Марфа, Агафья. Она сноровисто спустила с Черняева больничные трусы, поскольку необходимой прорези на них не было. Быстро чем-то смазала стеклянную трубу и стала вставлять ее в задний проход Ивана. Айболит при этом ласково гладил его по спине и тихим голосом убеждал не волноваться и максимально расслабиться. Дескать все больные проходят это исследование, а вы, коллега (знал, оказывается, гад, что Иван аспирант), еще и пользу принесете, участвуя в обучении студентов.

Иван не успел, как говорится, и глазом моргнуть, как Виктория засадила ему эту трубу до предельной отметки. А после этого, как позднее рассказывал Иван своим друзьям, началось форменное издевательство. Первым в трубу заглянул Айболит, предварительно дав команду зафиксировать тело пациента, что и сделала Виктория и единственный парень-студент. Смотрел он не долго. Опытный, садист. А потом предложил заглянуть в эту трубу студенткам, по ходу дела давая им пояснения.

Девушки по очереди смотрели в трубу, а Иван в это время созерцал их лица, видя их в перевернутом состоянии на фоне своих гениталиев. Картина была неповторимая: и в порнографических фильмах такое не увидишь.

После третьей студентки Иван заорал, чтобы прекратили это издевательство, а то он вырвет эту трубу и разобьет ее о башку профессора. Айболит, видно, предполагал такую реакцию и вежливо пояснил, что еще никто самостоятельно не смог прекратить подобное исследование и что коллега оказал бы ему большую услугу, если бы разрешил попрактиковаться еще всего двум студенткам.

Иван злобно молчал. А молчание - знак согласия. И вот одно за другим на фоне своего достоинства он увидел два довольно симпа-

Дело с трубой

тичных личика. Одному подмигнул, а другому скорчил рожу. Девчонки тихонько хохотали, отвернувшись в сторону.

Айболит, наконец, на пару с Викторией освободили Ивана от инородного включения в его молодой организм. Сил, чтобы скандалить, у него не осталось. Пока он приходил в себя, медики быстро покинули палату.

После такого издевательства над личностью, как Иван с гневом определял это исследование в кабинете главного врача спустя полчаса, он совершенно неожиданно получил разрешение покинуть больницу. Айболит, оказывается, уверенно заключил, что пациент здоров.

Судьба человека

Еду домой по проспекту Мира. У станции метро «Щербаковская» (сейчас – «Алексеевская») вижу огромную очередь на маршрутное такси, конечная остановка которого рядом с моим домом. Был теплый летний солнечный день, настроение – прекрасное. Так и подмывало сделать что-нибудь приятное людям. Подъезжаю к очереди и весело, с улыбкой говорю: «Кто не боится, садитесь, довезу бесплатно!»

Первая в очереди стояла очень симпатичная девушка. В общем-то из-за нее я и остановился, рассчитывая, что поедет она. Но, видно, или из-за того, что я был чрезмерно весел, или сама суть предложения довести бесплатно, да еще и того, кто не боится, вызвала у людей неожиданную для меня реакцию: они замкнулись и стали отводить от меня глаза.

Сделалось как-то неудобно и мне. И, чувствуя, что выгляжу глуповато, стал уговаривать людей ехать, объясняя, что следую как раз по маршруту такси. Никакой ответной реакции. Оскорбленный в лучших чувствах, захлопнул дверцу машины.

И тут вдруг какой-то старик, стоящий в очереди в самом конце, помахал палкой, на которую до этого опирался, и крикнул, чтобы я подождал. Подошел к машине, с трудом забрался на переднее сиденье. Объяснил, что ноги были сломаны, а сейчас вдруг разболелись.

Поехали. Я немного оттаял. Спасибо, думаю, этому деду, не сел бы он – и настроение мое было бы испорчено надолго. Еду молча и поглядываю сбоку на пассажира. Редкие седые волосы его слегка растрепаны, как у людей, не уделяющих внимания своей внешности. Лицо заросло какой-то бесцветной щетиной – не брился, наверное, дней пять. Глаза, брови, нос, овал лица такие, что, казалось, расстанемся и не смогу даже вспомнить его облик, до того он обыденно выглядел.

Пока ехали, разглядел его одежду. Она тоже была незапоминающаяся: поношенный серый пиджак, темно-серые помятые брюки, непонятного цвета темная рубашка с расстегнутым воротом, на ногах – коричневые с овальными носами вышедшие из моды ботинки.

Через две-три минуты поглядел на старика повнимательнее и заметил, что у него все же есть и особые приметы. Во-первых, хорошо заметный шрам на левой стороне лица от глаза до уха и еще одна особенность: лицо, издавелока выглядевшее гладким, оказалось покрыто густой сетью пересекающихся неглубоких морщин. Ну, думаю, дед, лет тебе не меньше восьмидесяти.

Палку старик держал между ног, а на колени положил какую-то небольшую вещицу, завернутую в мятую газету. Сверток упал на пол и из газеты вывалился маленький прозрачный полиэтиленовый пакет, в котором лежали вперемежку мятые красные помидоры и наверное грамм двести-триста кильки.

Старик поднял пакет, на мой вопросительный взгляд ответил: «К матери еду, гостинец вез, да ничего от него не осталось, прогулял все. Неделю гуляли». Ну, думаю, надо спросить что-нибудь про мать, ведь ей, скорей всего, лет около ста. Долгожительница, таких мало, особенно в городах.

– Сколько матери лет-то?
– Да уж больше шестидесяти. А сколько точно – и не знаю.
– Ты что, шутишь? А сколько лет тебе-то?
– Мне? Сорок третий пошел. Гуляли-то на дне рождения. Сорок два исполнилось.

Я был ошарашен. Получается, что мы родились с ним в один год. Мне тоже было сорок два.

– Дед, ты что-то путаешь!

Моя реакция, видно, была для него не в диковину. Он знал, конечно, что выглядит глубоким стариком. Немного помолчали.

– Из тюрьмы я, друг, – сказал дед. Расспрашивать его мне казалось не очень удобным, но из вежливости поинтересовался:

– И сколько же ты сидел?

– Двадцать три года, – ответил дед.

– О, Господи! За что же?

– Украл мешок с хлебом – двадцать буханок. Работал тогда в пе-

Н.Л.Пирогов

карне, в Москве. Я ведь москвич. Кончил школу. Учился хорошо, но в институт не поступил. Не прошел по конкурсу. В армию брать меня было рано. Пошел работать грузчиком в пекарню. Отец у меня на войне погиб. Жили с матерью трудно. Суд учел это и дали мне один год условно.

Мы приехали. Весь путь – минут десять – пятнадцать. Дед из машины не выходит. И мне с ним расстаться, не дослушав его, просто было нельзя. Ну не мог я его не дослушать! Интерес был вызван, пожалуй, тем, что начало его жизни уж больно было похоже на мое: возраст один, оба москвичи, отец погиб, жили трудно, и учился в школе тоже неплохо, и в институт поступал не просто. И еще чем-то он сразил меня. В то время я и не понял, чем именно. Это потом уже, спустя несколько дней, уяснил, в чем дело: этот человек говорил о себе с поразительным, непередаваемым равнодушием, как будто он рассказывал о какой-то букашке, не о муравье даже, а о незаметной тле.

Зато я был эмоционален:

– Дед, а двадцать три года-то за что все-таки?

– Слушай дальше. Я ведь никому еще это не рассказывал, да и рассказывать-то было некому. Кому это интересно?

В таком же тоне, тихим, немного скрипучим голосом, без пауз он продолжал:

– Год этот условный уже заканчивался. Ехал я в трамвае, вот здесь это было, недалеко, у выставки. Вдруг завязалась драка. Дрались пять человек – это я на следствии узнал. Мне нельзя было вмешиваться, я сразу мимо них к выходу бросился, да так быстро, что один парень решил, что это к нему я рванул, и ударил меня ножом. В общем, попал я в самое пекло: и меня били, и я бил. Забрали всех в милицию, а меня сразу в больницу. Рана была не тяжелая, лечили две недели. Потом следствие. Оказалось, что все пятеро – знакомые, из одного двора. Порезали не только меня, а и еще одного парня. Приписали мне это. А кто меня пырнул – не определили, никто не признался. Я-то знал кто, да не поверили. Получилось так, что и нож мой, и драку затеял я. Дали мне три года и еще год, который условным был.

– А обжаловать разве нельзя было?

Дед посмотрел на меня, как на ребенка, снисходительно. Усмехнулся: «А кто бы стал жаловаться? Родных нет, одна мать полугра-

мотная. Знакомые как-то сразу исчезли. Да к тому же всех, видно, устраивало, что так это дело закончилось. В зоне научили меня написать прокурору. Ответ пришел, что все правильно, нарушений закона нет.

Отсидеть срок спокойно не дали. Там ведь как: или шестери, или пробивайся наверх, других дави. Шестерить не стал. Избили раз, другой. Опустить хотели. Того, который держал меня, укусил я в шею, вырвал зубами клочок мяса, разорвал ему артерию. Умер он, спасти не успели. А меня зеки сразу бить стали. Сломали ребра, ногу, челюсть, внутри все отбили. В сознание пришел дня через два. Лечили долго. Потом суд. Добавили десятку.

Как только немного оклемался – опять то же самое. Покоряться не стал и ввязался в драку. Ранил заточкой одного. И опять добавили срок. Жить не хотел. Пробовал повеситься, резал вены, все неудачно. Отстали все от меня, наконец. Кому нужен такой доходяга? Еле ходил, работать не мог. Поставили на легкий труд – машины из шланга у ворот мыть.

Подвернулся случай – ушел в побег. Зачем – сам не знаю. Конец года, зима, холод собачий, ни одежды гражданской, ни денег, ни харчей. Залез, дурак, в кузов с опилками. Часа через три поймали. Охрана была так, как и зеки-то никогда не били. Оказывается, лишил я их премии за целый год. Опять лечили и еще добавили три года.

– Ну, а дальше? – я спросил, что бы что-то сказать, молчать неудобно. Моя жизнь, наполненная трудностями, которые я часто сам себе и создавал, всегда казалась мне значительно сложнее, чем у многих других. Но по сравнению с этим «дедом» я выглядел маменькиным сыночком, живущим на курорте.

– Спрашиваешь, что дальше? А дальше ничего. Ни жить, ни умирать не хотелось. Ничего не хотелось. Нашелся один сердобольный из начальников, поставил меня на работу регистрировать почту. Несколькими годами на этом сидел. Денег немного заработал. Да вот эти деньги и пропил. Осталось всего ничего.

– А сейчас куда?

– Да я ж тебе говорил – к матери. Вот адрес ее, – он показал мятый почтовый конверт. – Это здесь, рядом. Только вот письмо-то старое, года три ему. Жива ли мать еще, не знаю.

Н.Л.Пирогов

– Тебе может чем помочь надо?
– Да, нет, не надо. Да и зачем?
– А если матери нет?
– Если нет – чего-нибудь придумаю. Спасибо тебе – довез, да и поговорили, а то ведь меня никто и слушать-то не хотел.

Вылезал он из машины так же трудно, как и садился в нее. Мне казалось, что слышу скрип его суставов. Протянул ему на прощание руку. Он посмотрел на меня и дал свою. На недавних похоронах, прощаясь с близким человеком, лежащим в гробу, я дотронулся до кисти его руки. Взяв в свою руку руку «деда», ощутил тот же могильный холод. Жать такую руку нельзя. Подержал ее в своей и отпустил.

Подавал ему палку. Он пошел, опираясь на нее, держа в другой руке пакет с помидорами. Шел тихо, значительно медленнее, чем час назад подходил к машине. Мне показалось, что я понимаю причину его безразличия к себе и отказа от помощи. «Дед», видно, чувствовал, что часы его жизни останавливаются и сопротивляться этому у него нет ни сил, ни желания. Все это он давно израсходовал.

А я, случайно подвернувшийся ему человек, был для него существом из другого мира. Из того мира, который мог бы ему помочь, но не сделал этого, отвергая его двадцать три года, и фактически погубил его. И он перед этим существом, т.е. передо мной, сделал то, что делают в церкви на исповеди – оголил свою душу.

Его выслушали, может быть, впервые в его жизни отнесясь к нему по-человечески. И это запоздалое участие съело его последние силы.

Цена карьеры

Алешка вырос незаметно. Вчера вроде бы в детский сад ходил, а сегодня, любуйтесь – здоровый парень, семнадцать лет, плечистый, русоволосый, синеглазый, просто красивый. Но незаметным это превращение казалось только нам, соседям. А родители за эти семнадцать лет с ним не то, чтобы намаялись, но устали, как им казалось больше, чем кто-то с любым другим ребенком.

Отец его работал на стройке. Работал много, увлеченно. Его ценили, уважали и продвигали по службе. Постепенно в его сознании прочно закрепилась связь: хорошо работаешь, -значит будет все в порядке, все в жизни сладится. Работа – вот то, главное, что должен делать человек, а остальное – второстепенная ерунда.

Он считал, что пока Алешка маленький, заниматься его воспитанием должна мать. Вот подрастет, будет ему хотя бы лет семь-восемь, тогда с ним можно будет иметь дело как с мужчиной. Да и времени у отца почти не было. Уходил утром на работу – сын еще спал, приходил вечером – Алешка или уже спал, или готовился ко сну. А в выходные отец занимался своим любимым делом. Он был очень удачливым и охотником, и рыбаком, поэтому к нему в компанию многие просились, да не всех он брал. А чаще всего рыбачил и охотился с начальством: или местным – руководством поселка и ГОКа, или – с приезжим, которое довольно часто навевывалось в это северное предприятие.

Мать Алёшку не баловала. Как что не так он сделает – она ему выдавала витамин «Г», что означало отшлепать тапком по заднице. Тапок был отцовский, тяжелый и Алешка после этого долго плакал, но науку усваивал и то, что не нравилось матери, больше не делал.

Мать работала в конторе экономистом. На работу ходила к десяти часам. А Алешку надо было приводить в сад к восьми тридцати, не позже. Очень это было неудобно. Приходилось появляться на работе на час раньше. Надоело ей это и она пошла по пути рационализации. Как исполнилось сыну четыре года, (большой уже, ясное дело!),

Н.Л.Пирогов

научилась не совсем просыпаясь, в полусне снаряжать его в недалекий (всего-то метров триста) поход в детский сад. Мороз в этих краях иногда доходил до шестидесяти градусов, тогда, конечно, сад не работал, дети сидели дома, а тридцать-сорок - обычная температура, для всех привычная. Поверх мехового тулупчика укутывала его своим шерстяным платком. Указывала сыну ориентир – ярко горевший фонарь на крыльце сада, и закрывала за ним дверь. После этого целый час могла сладко спать до звонка будильника.

В школу Алешка ходил самостоятельно, хоть была она от дома не близко, километра два. Учился средне. Лучше давались точные науки, но больше всего любил физкультуру. Участвовал во всех спортивных мероприятиях, стал крепким парнем.

Когда перешел в восьмой класс, отца перевели работать в Якутск заместителем министра. И начались у него командировки по республике. Редкая неделя получалась, что он никуда не уезжал. Так прошло два года. Жена роптала: «Сын от рук отбил, меня не слушает. Поговори с ним. С такими отметками он в институт не поступит».

Отец меры принял. Как-то пришел пораньше с работы, Алешку встретил во дворе, сказал ему: «Пойдем-ка, сын, поговорим», Хотел обхватить его руку повыше локтя, как делал когда-то совсем недавно. «Пойдем» - ответил Алешка, напряг бицепс и не стронулся с места, глядя прямо в лицо отцу. Кисть отца разжалась. Он, сильный и уверенный в себе человек, на миг стушевался, и неожиданно для себя зачастил: «Ну, пойдем, пойдем».

Вошли в дом, сели за стол.

-Алексей, ты плохо учишься, а ведь тебе скоро поступать в институт.

-Отец, моя учеба тебя не касалась уже столько лет, а теперь вдруг забеспокоился. Двоек у меня нет. И вообще, как я учусь – это мое дело.

- Да ты думаешь, что говоришь? Я заместитель министра, меня все знают, скоро буду министром! А сын учится еле-еле. Я для вас стараюсь, для семьи. Посмотри, в какой квартире ты живешь. Что, у многих такая? И чего тебе не хватает? Ведь у тебя все есть. Ну почему ты не учишься, как следует?

- Отец, учусь, как могу. Квартиру и все, что у меня есть, я у тебя не просил. А в институт я поступать не буду. Пойду работать или – в

армию.

Отец опешил: – Алексей, да ты что? Ты же меня позоришь!

– Отец, ты недавно выступал по телевизору, призывал молодежь идти на стройки, на БАМ, в Нерюнгри, на Вилюйскую ГЭС. А я ведь и есть та самая молодежь.

Отец побагровел, но усилием воли сдержал себя:

– Алексей, я прошу тебя, подумай, Я помогу тебе поступить в институт. Только реши, куда ты хочешь. Не отвечай мне сейчас. Подумай. Прошу тебя.

– Хорошо, я подумаю.

Алексей думал недолго. Через неделю пошел в военкомат и написал заявление с просьбой по окончании десятилетки досрочно, так как восемнадцать лет ему исполнялось только через три месяца, призвать его в воздушно-десантные войска. Военком хорошо знал его отца и тут же позвонил ему. Вечером отец и мать, чуть не плача, уговаривали сына забрать заявление, не горячиться, подумать. Идет война в Афганистане, можно ведь попасть в самое пекло.

Алексей был тверд: «Я подумал, менять решение не буду. Жизнь моя и я сам буду ей распоряжаться». Мать и отец в один голос: «Да ты один у нас, случись что с тобой, что мы будем делать?» Алексей посмотрел на обоих, ничего не ответил, только хмуро усмехнулся. Все же отцу удалось найти маленький компромисс. Он уговорил сына переписать заявление и проситься не в воздушно-десантные, а в войска связи.

Призвали Алексея на удивление быстро. Курс молодого бойца он осваивал под Москвой. Это устроил ему отец и был этим очень доволен. Но по окончании короткой учебы, Алексей, уже как военнослужащий, написал рапорт начальству с просьбой направить в воздушно-десантные войска с последующем использованием в Афганистане.

С отцом и матерью он переписывался не часто. Узнал вскоре, что отец стал министром. Поздравил его с новым назначением. А у самого Алексея все шло своим чередом. Прошел трехмесячную учебу, пять раз прыгал с парашютом, освоил самбо и карате, научился хорошо стрелять, бросать нож, получил сержантское звание и вскоре был отправлен в Афганистан.

Н.Л.Пирогов

Воевал, видимо, неплохо, потому что через год получил краткосрочный отпуск. Приехал в Якутск к родителям. От прежнего Алешки почти ничего не осталось. Если совсем недавно это был крепкий улыбчивый парень, то теперь заматеревший мужик, неторопливый, молчаливый с ироническим прищуром голубых глаз. И у родителей, и у приятелей язык не поворачивался называть его Алешкой, все обращались уважительно – Алексей, а родители ласково – Алёша, Алёшенька.

Мать хвасталась перед соседями: «Это ведь я его воспитывала. Отцу-то все некогда было. С малолетства у меня самостоятельным был. Даже в сад один ходил». Соседки удивлялись, переспрашивали, уточняли детали методики воспитания.

Узнали о приезде Алексея в школе, которую он закончил. Пришла навестить его завуч и очень просила выступить перед старшеклассниками и учителями. Алексей вежливо, но твердо отказался: «Устал я, отдохнуть надо. А лучший отдых – это не вспоминать о том, что было. Вы уж извините меня».

Отец все же ухитрился сделать небольшую заметку в областной газете с фотографией Алексея в военной форме, где было написано, что представитель Якутии старший сержант такой-то, выполняющий интернациональный долг в Афганистане, получил поощрение командования – краткосрочный отпуск. Отец знал, что делает. О том, что его сын добровольно пошел в армию и настоял, чтобы отправили в Афганистан, знал узкий круг людей, с которыми он общался на работе. До приезда Алексея он всегда говорил об этом, как если не о горе, то о событии безрадостном. А тут совсем другой поворот: Алексей вот он, здесь, живой и здоровый и служить ему осталось всего ничего, чуть больше полгода. Теперь он с гордостью рассказывал об Алексее, открыто высмеивал то, что наша армия стала полностью рабоче-крестьянской, то есть в ее рядах не сыщешь детей начальства и интеллигенции. А уж в Афганистане из сынков начальства, видно, только один Аркадий и служит. Авторитет отца в республике и так высокий, стал еще больше.

«А ты, Алексей, прав оказался – говорит отец сыну – такое начало карьеры, как у тебя, не каждому дано. Во-первых, в любой институт поступишь без конкурса, во-вторых, на всю жизнь у тебя такой

стартовый капитал, что любые задачи решишь, любой должности добьешься. У тебя теперь перед всеми преимущество». Алексей в ответ, чтобы закончить разговор, кивал головой, говорил: « Да, да, отец».

Как Алексей ни уклонялся от разговоров о том, как он воевал, и как вообще дела обстоят на этой войне, рассказывать ему об этом все же пришлось. В первый день всем понятно – устал он и не до серьезных разговоров. А когда дней через пять отец собрал за праздничным столом своих друзей и все стали приставать с расспросами – пришлось рассказывать.

К этому моменту выпито было уже прилично и за столом царило, как и положено, веселое оживление. Наравне со всеми мужчинами, выпил и Алексей: «Ну что говорить, война, как война. Расскажу один случай, за что меня отпуском наградили. Вызывает командир роты, говорит, что вертолетчики заметили на перевале в десяти километрах от нас то ли пять, то ли шесть душманов. Скорее всего диверсанты, если до темноты их не уничтожим, дождемся больших неприятностей. Слушай мой приказ: «Чтобы не рисковать, подымай все отделение, все 12 человек. Вертушка ждет вас. Получите на всякий случай по три боекомплекта. Будьте осторожны, не торопитесь. Вас высадят за километр от того места, где видели духов. Ликвидировать всех. Понятно?» «Так точно, понятно». «Действуйте».

За столом все замерли. Алексей продолжал: «Вертолет приземлился на нашей стороне хребта, а духи были замечены с другой. Доложил я командиру по рации, что все нормально, высадились, начали поиск, вертушку отпускаем. Закончим операцию – сообщим. Командир похвалил, просил быть поосторожней, не торопиться. Где были замечены духи, там нам крестик поставили на карте. Скрытно, как положено, идем в то место. Я заранее поставил задачу, что как только заметим хоть одного из них, молча по моей отмашке, делимся на две группы по шесть человек и окружаем это место.

Крадемся от камня к камню. Перевалили хребет, приближаемся к отмеченному месту. Никого нет. Условным сигналом даю команду всем подойти ко мне. Место было хорошее, на возвышении. Только собрались, вокруг нас раздались крики, выстрелы, и снизу, и с флангов к нам бегут духи, а недалеко из пещеры человек тридцать рванули к перевалу, чтобы перекрыть нам дорогу через хребет. Оказалось

Н.Л.Пирогов

потом, что всего духов было человек сто, не меньше. Операцию они эту задумали, чтобы взять пленных. Специально засветили пятерых, а наши командиры попались на удочку.

Все духи рассчитали правильно. В такой ситуации обычно сдаются. «Наши сдаются?» - спросил кто-то из гостей с возмущением в голосе. «Сдавались, – сказал Алексей – мы с ребятами еще раньше договорились, поклялись, что в плен не сдаваться и своих убитых и раненных не бросать, чего бы это ни стоило. Видели мы, что делают с пленными, да и с мертвыми тоже».

Алексей помолчал. Рассказывать, что было дальше, расхотелось. Но просто замолчать тоже нельзя. И после паузы он продолжил: «Я сразу понял, наше спасение – это сообщить командиру, в какую задницу мы попали. А для этого надо пробиться на перевал, иначе рация не работает. Вот весь бой к этому и свелся. Шесть человек погибли, пятеро раненых. А у меня – только синяки и ссадины. Повезло. Выручили нас. Пришло три вертушки. Вымели они огнем весь склон. Вот и все. Убитых отправили в гробах на родину, раненых – в госпитали, а мне – отпуск, да еще, говорят, к «Красной звезде» представили».

За столом началось оживление: «Выпить надо за это!». Отца Алексея распирало от гордости за сына: «Алешенька, милый, да что же ты сразу не сказал про награду?». «Да что говорить-то? Ведь не дали пока». А гости шумели: «Да за такие подвиги героя давать надо». Выпили за здоровье Алексея и за его будущую награду с большим воодушевлением. Приятели отца – это было не воевавшее поколение, детство их прошло во время отечественной войны, воспитанные на подвигах отцов и старших братьев, которые вот так же, как Алексей, рассказывали о своих боевых делах во время той, страшной войны, чувствовали себя не очень уютно. Они как будто вернулись в детство и слушали рассказы такого же молодого человека, каким когда-то были их отец или брат. Алексей, которого они знали еще сопливым пацаненком, им временами казался старше их, и именно это создавало их неудобство.

Отпуск закончился. Провожали Алексея в аэропорт вместе с родителями представители школы и обкома комсомола. Отец и мать просили: «Пиши, сынок, почаще. Береги себя, тебе уже недолго служить осталось. О нас подумай. Ждем тебя».

Через неделю Алексей был уже в БМПешке, которая в составе большой колонны двигалась в его часть. Попали в засаду. Колонну обстреляли из гранатометов. Отбились, но потери были большие. Часть машин горело. Были убитые и раненые. Алексей получил ранение в ногу: кость чудом не задело, но от колена до бедра осколок изорвал мягкую часть ноги. Потерял много крови, но помощь все же оказали вовремя. Отправили сразу в ближайший госпиталь и там хирурги долго шивали разорванные сосуды, мышцы, кожу.

Через две недели Алексей уже мог передвигаться на костылях. Таких раненых, как он, переводили на долечивание в тыловые учреждения. Так он очутился в санчасти военного округа в Узбекистане. Это было странное место. Когда-то здесь дислоцировался стрелковый полк, который был переброшен в Афганистан, а занимаемые им сооружения стали приспособлять под палаты для раненых и медицинские кабинеты. Процесс этот только начался и к прибытию Алексея к приему раненых были готовы только бывшие казармы. Медицинского персонала не хватало, сестры еле успевали делать перевязки и уколы.

В километре от санчасти располагалось небольшое селение. Жители его по ночам организовано, мелкими группами по два-три человека методично разворовывали бесхозное военное имущество, охранять которое были оставлены двое старослужащих, не решавшихся ночью и нос показать за пределы казармы.

Пищеблок, который когда-то был в образцовом состоянии, целиком растащили и комплектовался он заново. Поэтому накормить всех раненых, как положено, не получалось и во избежание неприятностей начальство приняло решение желающим выдавать пищевое довольствие сухим пайком.

Алексей прибыл в санчасть, когда эта система уже действовала. Он сразу же согласился получать пищу продуктами, которые выдавались на неделю. Там много было дефицитных в то время вещей: консервы мясные и рыбные, растворимый кофе, давали даже крабы и красную икру. Часть продуктов выдавали из расчета на двоих или троих человек, поэтому сразу же раненые сбивались в компании. Как-то само-собой получилось, что Алексей стал верховодить в группе из четырех человек. В общем-то это было и неудивительно – физически он был самый крепкий, да и знаний у него было побольше, чем

Н.Л.Пирогов

у других.

Был у него и замполит, как смеяшь называли его приятели. Мишка был шутник и балагур, исполнял роль Васи Теркина, скрашивал их безрадостные будни. Первую неделю приятели пытались готовить пищу на костре. Но оказалось, что это не так легко. Вскипятить воду, подогреть мясо или рыбу в банках – это запросто, а вот варить кашу, макароны или суп не получалось, не хватало терпения. Кушанья или подгорали, или все выкипало, заливая небольшой костерок.

На вторую неделю решили кардинально все изменить. Узнали, что в селении дефицитные продукты жители охотно меняют на вино и водку. Мишкино предложение было гениально просто: «Вы знаете, как моряки организуют выпивки? Конечно не знаете. Они на все деньги покупают водку, а на сдачу – закуску». Все захохотали, а Мишка продолжал: «Все, что можно обменять на горючее – обменяем, а что останется из продуктов – то и будем есть. А не хватит, так кругом куры, да бараны бегают, с голоду не помрем». Алексей и остальные двое парней одобрили Мишкин план.

Первые же контакты с туземным населением показали эффективность сделки. Продукты выменяли на такое количество домашнего виноградного вина, что двое еле-еле донесли. И началась у ребят веселая жизнь. С утра - на перевязку и уколы, а затем – пей, гуляй. Но еды было маловато, поэтому закололи барана, который уж очень близко подошел к казарме. Как готовить баранье мясо, научились еще в Афганистане. Жизнь стала, как на курорте. Выпивки и еды от пуза, работать не надо, отдыхай, сколько хочешь.

Жители селеньица, у которых стали пропадать бараны и куры, пришли жаловаться начальнику санчасти, заявляя, что у них никогда не было воровства (то, что они растащили половину базы полка, было не в счет), а вот, дескать, разместили этих раненых и житья от них не стало. Начальство сурово обошлось с жалобщиками – просто выгнало их за ворота, разъяснив что «эти раненые» - гордость страны, а вы жалкие частники, пожалели им каких-то двух-трех баранов. Дело было, конечно, не в трех баранах. Истребление этих животных приобрело массовый характер (ведь таких групп, как у Аркадия, сорганизовалось уже десятка два) и жители стали писать жалобы во все концы.

А отсутствие дисциплины, какого-либо контроля, ощущение того, что ты никому не нужен, делали свое дело. Алексею вдруг втемяшилось в голову, что незачем здесь торчать, пить вино и разделять ворованных баранов. Намного лучше долечиться в домашних условиях. Мысль эту решил обсудить с приятелями. Все одобрили идею и приняли предложение поехать в Воронеж к его бабушке и пожить у нее дней десять. А здесь они никому не нужны, никто их не хватится.

До ближайшей железнодорожной станции километров сто. Добираться можно было только на попутке. Подвернулся мотоцикл с коляской. Стоял он на окраине селенья. Сумели завести его без ключа. По пути на станцию закололи и разделали барашка, рассчитывая, что мясом расплатятся с проводниками за места в вагоне.

А на станции их уже ждали. Арестовали, посадили в местную гауптвахту. Дело закрутилось по-серьезному. Жалобы жителей дошли до Москвы, до ЦК КПСС. Было дано поручение военной прокуратуре детально разобраться во всем. Разобрались, написали подробную справку. А в ней указывалось, что такого безобразия, как в этой санчасти, в нашей армии еще не было! Из ЦК поступила команда наказать виновных, невзирая на должности и заслуги.

Началось следствие. Кое-кого из военных чинов освободили от работы, некоторых отдали под суд. А группа Алексея подпала сразу под несколько статей: организованное дезертирство, воровство, угон мотоцикла. А Алексей – как руководитель преступной группы.

Родители знали, что сын ранен, поэтому писали ему довольно часто. Он коротко отвечал на письма. Так же немногословно сообщил, что арестован. Мать тут же приехала. Разрешили свидание. Увидела Алексея, и ей стало плохо: это был человек, мало похожий на ее сына: заросший, осунувшийся, в линялой гимнастерке без погон, в глазах тоска. Встретилась со следователем, плакала, просила снисхождения, объясняла, какой ее сын хороший, что представлен к награде. Следователь ответил, что он знает не только обстоятельства дела, но и заслуги Алексея. Но то, что он натворил, тянет на десять лет лишения свободы. Может, суд учтет заслуги и даст поменьше.

Мать срочно вылетела в Якутск к мужу. А его только что избрали секретарем обкома партии по строительству. Эта работа была его меч-

Н.Л.Пирогов

той. В республике строительством занимались в то время организации тринадцати министерств, их усилия мог координировать только обком, а конкретно – секретарь по строительству. Строилась Вилюйская ГЭС, увеличивались объемы в алмазной отрасли, разворачивалось крупное строительство Южно-Якутского угольного комплекса, по территории республики прокладывались рельсы БАМа. От таких задач кружилась голова.

А тут, на тебе, проблема с Алексеем. Отец сообщил первому секретарю, что сын ранен и надо бы к нему съездить. Ему тут же выписали командировку, дав поручение еще и решить кое-что в Москве. Уже через сутки отец увидел сына.

«Что же ты натворил, Алексей! Ты знаешь, что тебя ждет?»

«Знаю, мне уже сто раз говорили».

Помолчали

«Ты веди себя сейчас – отец немного подумал – правильно. А я попробую что-нибудь сделать».

На этом расстались. Алексея отвели в камеру. Отец в один день обошел все местное начальство – и военное, и партийное. Везде сочувствовали, но помогать отказывались, говорили, что это уже выше их уровня, дело дошло до ЦК, они в этом случае бессильны.

А помощь могла бы быть одна – закрыть это уголовное дело. Заплатить хозяевам баранов, заплатить владельцу мотоцикла. А дезертирство, да какое это дезертирство, когда все раненые болтались за пределами части, когда хотели? Да и какая это часть? Смех один. Так думал отец, отрабатывая детали разговора с заведующим сектором ЦК, контролирующим это дело. Но чем ближе самолет подлетал к Москве, тем больше сомнений было у отца, что он чего-нибудь добьется. От друзей он слышал, что этот заведующий сектором щепетильно принципиален. О нем говорят, что он – совесть отдела. Особенно непреклонно он ведет себя в отношении родни любого начальства, справедливо считая, что закон для всех один, а спрос с руководителей должен быть даже больший, чем с простых смертных.

«Ну, поговорю я с ним – думал отец – скорее всего откажет. Это в лучшем случае. А может быть и другой поворот. Скажет, что у нас сын за отца не ответчик, а вот отец за сына ответственность нести должен. Моральную. Как воспитывал, таким человек и вырос. А партия

– это совесть народа. И как же это получается, что у секретаря обкома сын – преступник? И не просто совершил проступок, а целую цепь преступлений. Да такой человек не может быть партийным руководителем и вообще достоин сурового партийного осуждения».

От этих рассуждений отца пробил холодный пот: «С должности, конечно, снимут. А я ведь еще, практически и не работал. Да, это будет конец карьеры. Больше мне уже не подняться». Немного посидел, отгоняя неприятные мысли. Но куда от них денешься?

«Все-таки надо попробовать поговорить, хоть маленькая, но надежда на успех есть. Да, конечно, есть, но скорее всего будет отказ. Тогда вместо помощи Аркадию я сделаю ему хуже. Меня снимут и я ему уже не смогу никак и никогда хоть чем-нибудь помочь. А так ведь можно договориться, чтобы отбывать наказание отправили в Якутию, а уж там я бы что-нибудь придумал».

Эти мысли его вроде бы приободрили. Но он понимал, что обманывает себя, что предает сына и что все доводы, чтобы не пытаться помочь ему – это выдумка человека, боящегося потерять достигнутое положение. Но все его нутро цеплялось именно за эти рассуждения, оправдывающие уже принятое им решение: он не пойдет в ЦК, а будет помогать Алексею, занимая пост, которого он добивался всю жизнь и который обеспечивает ему немалую власть в республике. «Все, решено. И больше не буду это мусолить. Ясно. Точка».

В Москве он выполнил поручения первого секретаря и снова отправился в Узбекистан на свидание с сыном. Разговор с ним не клеился. Следователь военной прокуратуры с самого начала, сочувствуя Алексею, рассказал ему, под чью горячую руку он попал, и что надо делать его отцу, чтобы выручить сына. И когда отец, его отец, которого он знал, как жесткого, прямого, твердого человека, вдруг, глядя в сторону, каким-то неестественным бесцветным голосом стал давать советы, как нужно вести себя на суде, рассказывал, что он сделает, чтобы облегчить трудности отбывания наказания, Алексей с тоской понял, что он остался один на всем белом свете. Отец продолжал говорить, что суд будет закрытый, он присутствовать на нем не сможет, но будет по возможности в курсе дела. И что он сегодня должен улечь. Работа, что поделаешь. Он еще что-то говорил, но до Алексея его слова доходили как легкое постукивание по барабанным перепо-

Н.Л.Пирогов

нкам. Он уже не понимал этих слов. Простились, понимая, что им обоим все ясно. Отец уже в дверях обернулся и вдруг заметил, как постарел Алексей.

Суд состоялся через десять дней. Дело Алексея было выделено в отдельное производство. Прокурор требовал восемь лет лишения свободы. Суд учел смягчающие обстоятельства и вынес приговор: пять лет заключения в колонии общего режима, с лишением звания и наград.

Пробыл в заключении Алексей чуть больше двух лет и был амнистирован. Все это время на письма родителей не отвечал. Не заезжая домой, отправился к знакомым на далекий северный рудник. Стал работать там помощником бурильщика. Вскоре женился. Отец нашел его адрес. Сначала приехала к нему мать. Сидела, плакала. Алексей смотрел на нее с сочувствием, утешал, успокаивал. О прошлом не говорили, да и вообще говорили мало. Мать все больше общалась с невесткой, а та рассказывала в основном о хозяйстве, о своих планах. Если что-нибудь касалось Алексея, разговор как-то сам собой прекращался. Мать погостила несколько дней и уехала, считая, что отношения с сыном наладятся.

Вскоре приехал и отец. Он недавно стал вторым секретарем обкома партии, а это – высшая власть, второй человек в республике. Его приезд не мог остаться незамеченным. В аэропорту его встречало местное начальство, на лучшем автомобиле доставили к дому, где жил Алексей. Отец обнял сына. Сели за стол, выпили. Отец, глубоко вздохнув, хотел начать разговор, к которому давно готовился, обсуждая сам с собой все его варианты. Получилось все проще: «Прости меня, Алексей» - сказал и стал ждать ответа сына. Алексей сделал знак жене, чтобы пошла погуляла. Налил себе и отцу по стопке водки. Молча чокнулись, выпили. «Понимаешь, отец, нет у меня к тебе претензий, нет, понимаешь. Никаких. Все уже перегорело. Но общаться, видеть тебя не могу. Прости ты меня, но больше ко мне не приезжай, не надо». Молча посидели еще немного. Отец встал. «Гостинцы привез. Мать передала. Ты уж возьми, не отказывайся» - отец показал рукой на большую сумку, с которой пришел. Надел пальто и вышел за дверь. Машина ждала его за забором.

После отъезда отца жизнь Алексея изменилась. Никто ведь не

знал раньше, что он сын второго секретаря. Теперь к нему стали относиться по-особому и он это чувствовал на каждом шагу. Дошло даже до того, что некоторые пытались передавать через него в обком кое-какие просьбы. Это было невыносимо. Месяца через два Алексей с женой уволились и уехали в неизвестном направлении. И для родителей, и для знакомых их след затерялся.

А у родителей Алексея с этого времени все пошло наперекосяк. Пока Алексей был в заключении, хоть и не отвечал на письма, но была надежда, что все как-нибудь уладится. Всякое ведь в жизни бывает, оступаются люди, ссорятся, мирятся – обычная жизнь. Но когда стало ясно, что сын для них навсегда потерян, что его просто не стало, что они его больше никогда не увидят – вот здесь накатила тоска.

Мать буквально за год состарилась: лицо покрылось морщинами и никакие кремы не помогали, глаза потускнели, похудела и стала похожа на суетливую старушку. А ведь ей было всего немного за пятьдесят.

Отец пуще всего боялся, что его кто-нибудь спросит о сыне. И дело было уже не в том, что это как-то могло повлиять на его работу. Наступила перестройка и так называемый моральный облик коммунистов-руководителей уже мало кого интересовал. А боялся он потому, что не знал, что отвечать. Он был в состоянии постоянного ожидания удара. Стал сторониться прежних друзей, особенно тех, у кого были дети и внуки. Перестал ходить к ним в гости, да и их не приглашал к себе. Когда заходил разговор о детях, их успехах или проблемах, молча курил и старался перевести разговор на другие темы. Лицо, совсем недавно светившееся улыбкой и оптимизмом, стало хмурым и напряженным.

Когда в партии начались альтернативные выборы руководителей, участвовать в них отказался. Занялся строительным бизнесом. Олигархом не стал, да и вообще не добился сколько-нибудь заметных успехов. Оказалось, что для работы в условиях рынка нужны совсем другие качества, чем те, которые у него были. Через несколько лет уже никто не знал, где он и чем занимается. Его, как и многих, поглотила рыночная стихия.

Акробат

Четыре года Федулов работал безвыездно на стройке в Якутии. Так уж случилось, что в отпуск съездить не получалось, дела не позволяли. Устал безмерно. Но больше не от работы, а от неустроенности быта. Тяготили жилищные условия, когда в туалет надо ходить во двор, воду приносить домой в ведрах и столько же, сколько принес, выносить уже в других ведрах в виде помоев. Тяготила постоянная нехватка самых обычных продуктов питания.

Снабжение этого края в то время носило сезонный характер. Массовый завоз продовольствия и промтоваров был летом по реке Лене, и к осени в магазинах было в основном все, что нужно человеку. Но приток новых людей превышал все планы, и продовольствие, особенно овощи, фрукты и всякие деликатесы исчезали с прилавков раньше, чем начинался новый завоз. Ну, а самолетами много не навозишь – дорого. Получалось так, что и деньги были, а купить, что нужно и что хочется, не можешь.

Сухие продукты продавали любые: лук, картошку, капусту, свеклу, морковь. И фруктов сухих было достаточно, всяких и разных. Спиртное в магазине в основном представлял сам спирт в неразведенном виде в полулитровых бутылках. Очень удобно было его завозить. Привозили одну бутылку, а она эквивалентна двум с половиной бутылкам водки. Приличная экономия на транспортных расходах.

Винами всякими народ не баловали. Почти всегда в продаже был только портвейн и еще какое-нибудь простенькое вино. Праздником было, когда лучшие представители кавказских республик доставляли самолетом несколько бочек вина домашнего приготовления и продавали его в розлив. Покупать это вино приходили с ведрами или с эмалированными чайниками, другой тары не было. Не нужна она была, вот ее и не завозили. Ну что, например, делать с бидоном, если в продаже нет ни молока, ни кваса, ни морса какого-нибудь, ни пива.

Жить, конечно, можно, живут же люди и в худших условиях. Но когда знаешь, что где-то все, что хочешь, имеется: и яичницу можешь поджарить не из яичного порошка, а из свежих яиц, и рюмку коньяка можешь выпить и закусить долькой свежего лимончика – грусть накатывается, и начинаешь думать, что хорошо бы махнуть сейчас хоть ненадолго куда-нибудь в благословенный край, где все это купить можно без проблем..

Вот в такой печальный для Федулова период вызывает его начальник и говорит, что надо срочно ехать в командировку. Только было Федулов хотел начинать отказываться, выдумывая какие-нибудь веские причины, поскольку привык к тому, что командировки в их организации уж очень недалекие, километров за 300, не больше, но не успел, так как начальник продолжил: «В Москву, на 10 дней, получать новое оборудование. Вылетать завтра».

«Надо же, – подумал Федулов, – чуть не ляпнул глупость, ведь мог бы и не поехать, желающих-то немало». Поручил секретарше купить билет до Москвы и обратно, позвонил жене, у начальника уточнил до мелочей задание по командировке и отправился домой собираться. И что бы ни делал, было постоянное ощущение, что ему здорово, ну просто очень здорово повезло.

Самолеты летали в Москву в то время с двумя посадками: первая – в Иркутске, вторая – в Омске или Красноярске. После посадки в Иркутске было объявлено, что Красноярск закрыт по «погодным условиям». Как выяснилось, он оказался в центре сильнейшего циклона, там бушевала гроза. Официально сообщалось, что пассажиры должны узнавать о ситуации через каждые два часа. Но девочки-диспетчеры, с которыми Федулов быстро наладил дружеские отношения, сообщили ему по секрету, что такая ситуация надолго, и раньше, чем через сутки, о вылете нечего и думать.

Когда-то раньше Федулов наверняка бы огорчился, а сейчас даже обрадовался: везение продолжалось. Давно не испытываемое чувство абсолютной свободы переполняло его. Редко у него так бывало, что целые сутки что хочешь, то и делай, никому ничем не обязан, ни перед кем не надо отчитываться. Была бы такая ситуация, ну, например, дома, так или он сам, или жена тут же бы выдумали какую-нибудь работу, а если бы и не выдумали, то все равно нашлась бы забота, от ко-

Н.Л.Пирогов

торой не уйдешь, и не давала бы она покоя. А здесь вдруг возникла и не свобода даже, а парение духа, отчего и мысли-то в голове рождались необычные, вроде бы не ему, Федулову принадлежащие, а кому-то другому, на которого он смотрит как бы со стороны и подначивает: «Давай, давай выдумывай, а я посмотрю!»

Что еще будоражило, так это погода. Был конец апреля. Он уезжал от неисчезнувшего еще и осточертевшего за зиму собачьего холода, а приехал в необычное даже для Иркутска в это время года тепло. Люди ходили без шапок и в плащах нараспашку.

Зашел в продовольственный магазин, а там все есть, что тебе нужно. Хотел было Федулов начать отовариваться, но тут же передумал. Зачем? Сутки же целые впереди. Надо найти гостиницу, да в ресторан завалиться. Еще в порту разговорился с каким-то парнем лет тридцати. Говорили о всякой ерунде: о погоде, о новых самолетах и еще о чем-то. А тут встретил вдруг его у магазина. И всего-то часа не прошло с первого разговора, а потянуло их друг к другу, как родных. Решили вместе определиться в гостиницу, а потом, конечно, – в ресторан.

Парень был из Владивостока, летел в Москву по семейным делам. Работал в цирке акробатом. «Верхним», – как он коротко и с гордостью пояснил Федулову, – «нижние» – это и не акробаты вовсе. Так, бугаи. У них и никакой квалификации-то нет. Держат нас и не хрена больше не умеют».

Познакомились. Парня звали Василий. Федулов представился: «Николай». Вася сразу сориентировал Федулова: «Поехали в обкомовскую гостиницу. Я там раз останавливался. Лафа! Порядок полный, чистота. В бильярд играл. Где ты в гостинице бильярд видел? Заплатил за шесть часов, как положено дали квитанцию. Я ее для смеха приложил к авансовому отчету, и что ты думаешь – бухгалтер оплатил: печать-то на квитанции стояла обкомовская».

До гостиницы добрались быстро. Неприметный двухэтажный домик без вывески стоял в глубине двора. Оказалось, что служба недавно сменилась, и Васю никто не знал. Но он был малый не промах, назвал себя сыном какого-то известного партийного деятеля, и им, колебавшись, дали номер на первом этаже до утра. Комната была без роскоши: небольшая, потолок низкий, две кровати, два стула, просто-

ватый стол, что-то среднее между письменным и кухонным, ну и, конечно, ванная с туалетом. Телевизора не было.

Умылись, побылись и пошли искать хороший ресторан. На выходе дежурная, пожилая тощая женщина (они оба синхронно определили ей прозвище – «шпаргалка») строго предупредила, что в гостиницу после 24 часов пускать никого не будут.

Поймали такси и велели отвезти в лучший ресторан. Лучшим был «Байкал». Мест не было, но деньги сделали свое дело – столик им нашли. Все шло прекрасно, жизнь была удивительно красивой и легкой, все у них удавалось, все получалось. Федулов чувствовал внутри себя какую-то воздушность, приподнятость. Было очень приятно.

И коньяк был хорош, и закуски хороши: байкальский омуль, икра любая – и черная, и красная, огурчики, помидоры, другая зелень. Язык олений – редкий деликатес, а здесь – пожалуйста, сколько хочешь. И раки есть, и пиво неплохое.

Официант обслуживал быстро, казалось, ловил их взгляды и тут же исполнял желания. И певица на небольшой эстраде пела уж очень хорошо. Казалось, лучшего настроения у человека и быть не может. Ан нет, может. Подошел к их столику метрдотель и сказал, обращаясь к Федулову: «Вас ждут». И показал рукой на дверь, где стоял швейцар. К тому моменту оба приятеля выпили уже изрядно, но рассудок не потеряли. Федулов удивился: «Да кто меня ждет? Я же здесь никого не знаю». Мэтр вежливо наклонил голову и повторил еще раз: «Вас ждут». Решение принял Вася: «Сходи, Коля, посмотри, кто там тебя ждет».

Федулов пожал плечами и пошел. Швейцар у дверей повторил ту же фразу: «Вас ждут» и показал на «Волгу» метрах в десяти у подъезда. Федулов подошел, открыл дверь и увидел на заднем сиденье двух молодых девиц, всем видом выражающих нетерпенье обладать таким красивым, сильным и умным мужчиной. За рулем сидел здоровенный рыжий парень с фигурой и лицом Собакевича. «Садитесь», – вежливо сказал он. «Спасибо» – еще вежливее ответил Федулов и пошел обратно в ресторан.

Легкая озабоченность, которая, как облачко в ясный день на минуту прикрыло солнце, быстро прошла. Настроение даже улучшилось. «Ха-ха! Хотели меня обмануть – не получилось!» Он помнил случай

Н.Л.Пирогов

с главным инженером треста, который тот сам и рассказал, будучи на вечеринке в страшном подпитии, ничего, практически, не соображая. Но ему верили, потому что прекрасно помнили, как когда-то всей конторой срочно собирали и переводили ему по телеграфу довольно большую сумму вроде бы на покупку кооперативной квартиры.

А дело было так. В командировке в Москве, в ресторане, он познакомился с прелестной дамой и напросился к ней ночевать. Провел великолепную ночь. Утром, уходя от нее, договорился снова встретиться. Та обещала, загадочно улыбаясь. А через час он хватился – нет партбилета. Сразу же позвонил этой даме, спросил, не оставил ли он у нее партбилет? Та ответила, что да, оставил, а чтобы его получить, нужно заплатить 5 тысяч рублей. Деньги были немалые, тогда почти столько «Жигули» стоили. Угроза обратиться в милицию вызвала у нее смех. Я, говорит, твой билет отправлю в цека заказным письмом. А это, ясное дело, в лучшем случае – строгий выговор, да и с работы намахают. В общем, пришлось деньги срочно доставать и класть в каком-то общественном туалете в консервную банку, а уж потом получать партбилет. Все это пронеслось в голове Федулова, вызвав прилив гордости и уважения к себе, так спокойно и четко ушедшему от большой неприятности.

Время приближалось к полуночи, нужно было направляться в гостиницу, а то дежурная бабка вдруг да и не пустит, если опоздают. Рассчитались поровну, но Василий прикупил еще бутылку водки и банку крабов – домой, в гостиницу. На душе у обоих было легко-легко. Само-собой потянуло на песню. Дуэтом стали петь последнюю из услышанных в ресторане: «Славное море, священный Байкал». Пели в такси и на подходе к гостинице.

Света в окнах уже не было и дверь была заперта. Да, старуха, оказывается, не шутила. Тихонько постучали – никакой реакции. Постучали сильней – в одном окне зажегся свет и дверь приоткрылась на цепочке. В щель зашипела та самая противная бабка, что, дескать, ночуйте, где хотите, не пушу, порядок нарушать не дам, все уже спят, и закрыла дверь.

Такого оборота приятели не ожидали. Забарабанили в дверь так, что стены затряслись. Дежурная выскочила сразу, дверь открыла нараспашку, злым шепотом занудила: «Вы хулиганы, пьяницы! Здесь

сейчас такие люди, такие люди! Я милицию вызову!» Приятели прощмыгнули в свой номер. Настроение было напрочь испорчено. Буквально пять минут назад Федулов чувствовал себя орлом, парящим высоко над облаками, а сейчас – как будто спикировал с высоты в кучу дерьма.

– Вася, выпьем!

– Нет вопроса. Надо. Вот ведь зараза какая! Дверь не могла сразу открыть.

Из посуды в номере были только стаканы. Выпили по половине. Говорить ни о чем не хотелось. Молчать тоже вроде бы не с руки, ведь только недавно так хорошо беседовали.

– Вась, ну вот в цирке ты акробат, а в жизни что ты можешь делать? Какая от тебя польза?

– Какая польза? Стойку могу на руках делать.

– Так и я могу сделать стойку, только у стенки.

– А я могу на столе. Вот – смотри!

Вася сбросил пиджак и смаху встал посреди стола на две руки. Ноги его при этом уперлись в потолок. Он прошелся по столу на руках, одновременно печатая шаг по потолку. Получилось ловко. Обоим понравилось то, что на потолке от грязных подошв четко обозначились следы ботинок.

– Васек, а ну-ка еще!

Вася сделал еще три шага, но отпечатки на потолке уже были еле видны. И тут почти одновременно им обоим пришла в голову грандиозная мысль. Они задумали страшную месть этой противной старухе, этой шпаргалке, которая не уважает таких хороших людей, издевается над ними. Говорили, перебивая и дополняя друг друга. В результате родился гениальный план: подкоптить свечкой подошвы Васиных ботинок, затем Вася делает стойку на столе, а Николай двигает стол по комнате. Утром, когда их не будет, эта хрычовка зайдет в номер и обалдеет, подумает, что тут нечистая сила по потолку бегала.

Быстро-быстро выпили еще немного. Зажгли свечу (ее хранили в номере на случай отключения электричества), Николай хорошо прокоптил подошвы, не снимая с Васи ботинок, чтобы сажу зря не размазывать, где не надо – и работа закипела. Надо сказать, что обоим было не легко. Сама по себе стойка на руках – трудное дело, а ведь

Н.Л.Пирогов

надо еще и потолок топтать. Но Вася был на высоте, с задачей справлялся неплохо, все-таки профессионал. Николаю же было намного трудней. Хоть пол и паркетный, вроде бы гладкий, но щели и неровности встречались, а стол ведь надо двигать плавно, поэтому напряжение было большое. Чтобы не допустить рывков, Федулов так старался, что пот с него лил ручьем.

Пройдясь так по комнате туда-обратно, решили, что хватит. Получилось красиво, обоим очень понравилось. Сели отдохнуть. Водки осталось как раз по полстакана. Выпили, как честно заработанное. Поели крабов, покурили.

– Да, Вась, стойку, конечно, делать сила нужна. А тебя со столом таскать силы нужно еще больше. Значит, я сильнее тебя.

– А чего спорить? Давай-ка на руках кто кого прижмет?

Сели за стол, сцепили руки. Но несмотря на старание, явного преимущества ни у кого не выявилось. У Федулова, который когда-то занимался борьбой, вдруг проснулись старые натренированные рефлексы. Он внезапно, обняв руками туловище Васи, приподнял его как при броске через себя, встав на носки, и швырнул его на кровать, желая этим приемом поставить точку в споре.

Но случилась заминка. Вася, падая, ненароком так звезданул локтем по носу Николаю, что из него фонтаном брызнула кровь. Пока разобрались, что делать, в крови испачкано было все: одежда, пол, подушки, покрывало и даже на стене были кровавые следы. Только-только уняли кровь и начали пытаться убирать следы сражения, без стука открылась дверь и вошли двое милиционеров. Вызвала-таки милицию шпаргалка!

Милиционеры остолбенели. Всякое видали, но такое – впервые. Решили, что разбираться будут в отделении. Опускание с неба на землю произошло настолько быстро, что подействовало на обоих друзей, как кессонная болезнь: тут же отключились, заснув в машине, и растолкать их, приведя в чувство, смогли только на следующее утро.

Дознание проводил майор. Больше всего его возмущала глупость нарушителей: «Ну он-то акробат, голова у него – не главный орган, но ты-то, гражданин Федулов, – начальник управления! Неужели не мог сообразить, что следы на потолке можно было делать просто ботинками? Держать их в руках и ляпать по потолку!»

Федулов сидел с опущенной головой, приемлемые варианты выхода из создавшегося положения не шли ему на ум. Ясно, что ни на какой компромисс милиционеры не пойдут, о том, чтобы дать им деньги и речи быть не могло – с обкомом шутки плохи.

Майор позвонил кому-то, видно, начальству. Шепотом, чтобы не слышали задержанные, обсказал ситуацию. Минут через десять пришел подполковник, взял в руки документы арестантов, внимательно их посмотрел и по-командирски распорядился: «Этого (показал на Васю) – в суд, пускай ему там врежут пятнадцать суток. А этого, о-хо-хо, начальник СМУ..., посмотри на себя, нос-то стал, как баклажан». Помолчал немного и, обращаясь к майору: «У него билет туда и обратно?» «Так точно!» «Ну вот пускай и летит обратно. Посадить его в самолет на ближайший рейс. Документы ему верните, протокол задержания направьте в его организацию. Пускай его воспитывают.»

Указания милицейского начальника выполнили быстро. И вот уже Федулов сидит в самолете. Смотрит в окно на приближающийся родной поселок. Впервые без всякой радости. Мыслей нет, тело как ватное. Самолет подпрыгнул несколько раз, касаясь колесами бетонной полосы, минуты три проехал до стоянки и заглушил двигатели. Все пассажиры вышли. Командир корабля опустил руку на плечо: «Чего сидим? Пора выходить.»

Федулов встал на трап, огляделся, никто его, конечно, не ждал. Постоял немного и медленно пошел по ступенькам вниз. До поселка было километра два. Чтобы ни с кем не встречаться в автобусе, пошел пешком. Сильный, холодный порывистый ветер дул в лицо, дергал тело на скользкой дороге, быстро приведя в чувство. В висках застучали мысли: «Что делать? Что делать? Что делать?» Представил, как явится завтра в трест. Ужас! Позор! Что говорить? Как в глаза смотреть? Представил, как обсуждают документ из милиции на собрании, как выступает главбух треста – секретарь партбюро, долдон, с которым он постоянно пикировался, и рассказывает, смакуя подробности, про этот дурацкий стол, который он, Федулов, имевший репутацию умника, как последний идиот двигал по комнате вместе с акробатом, стоявшим на руках, и как все, включая и лучших его друзей, хохочут над ним, Федуловым.

Сжал челюсти, почувствовал на языке порошок от размолотых

Н.Л.Пирогов

зубов, немного успокоился. И опять все те же мысли: «Ославят и в поселке, о жене будут говорить, что это та самая, у которой муж стол двигал, а в ответ, ясно: «Ха, ха, ха!»

Мысли вдруг перестали вертеться и сконцентрировались на одной, главной. В голове - тонкий металлический звон. Он всегда его слышал, когда принимал решения в критических ситуациях, когда заканчивались сомнения и нужно было действовать. Он опять стал самим собой, прежним Николаем Федуловым, уверенным и сильным, а не размазней и хлюпиком, каким был только что.

Подошел к дому, свет не горит, значит жены нет. Открыл дверь, не раздеваясь, прошел в спальню, снял со стены двухстволку, убедился, что заряжена. Из кухни принес длинную поварскую вилку и, приставив стволы под подбородок, нажал ей на два спусковых крючка. Выстрел дуплетом оторвал ему голову.

Ну, и память!

Одной работой жить нельзя, какая бы интересная она ни была. Душа требует развлечений. Хорошо, если живешь в городе, где есть и театры, и библиотеки, и рестораны. Выбирай, что хочешь. А если живешь не в городе и даже не в поселке, а на пустом месте, где все надо еще построить, и ни одного дома в округе нет, только палатки да балки? При этом мужиков молодых, здоровых, умных – полно, а женщин – три человека, да и то замужние, к которым и не подъедешь.

Что делают в этом случае? Правильно подумали – пьют горькую. Ну, а если «сухой закон», если в единственной торговой точке, которую и магазином-то назвать нельзя, не то, что спирта или водки, вина паршивого нет в продаже, а самогонованием пока некому заниматься, не оброс еще коллектив прохиндеями-тунеядцами? Чем заниматься-то обычному, нормальному труженику во внерабочее время?

Остается один вариант: играть. Можно, конечно, играть в шахматы. И играют. Но что плохо: играют-то двое, зрителям здесь лучше не соваться, тянет их на подсказки, а шахматисты подсказок не любят, да и болтать во время игры не желают. Сидят молча, думают. И наплевать им на всех остальных, мир для них исчез, а есть только доска в клетку, по которой они водят свои деревянные войска. А для окружающих эти два «шахматера» тоже исчезли. Что интересного смотреть на сидящих неподвижно и молча истуканов?

Можно, конечно, сражаться в домино. Игра шумная, веселая, но уж больно простоватая и быстро надоедает. Так что если уж во что-то играть, так лучше всего - в карты. Картежных игр много. Можно играть в дурака – простого и подкидного. Если кто думает, что легче этой игры нет – ошибаются. В ней очень даже соображать нужно. Играют и в другие игры: в кинг, в козла, покер, винт, но царь всех карточных игр – это, конечно, преферанс. Он не для среднего ума, сооб-

Н.Л.Пирогов

ражения требует немало. И чем еще хороша эта игра – азартом. Просто так, не на деньги, в нее не играют. Это и понятно – без денег она становится безответственной: мизери сколько хочешь, вистуй нахально без всяких оснований – ничем не рискуешь. А это уже не интересно тем, кто игру эту уважает, и себя в ней ценит. Ему победа нужна умственная, заслуженная.

Далеко не всякий может научиться играть в преферанс. Правила может освоить любой. И порядок игры, и взаиморасчет с партнерами – все это доступно. Но здесь, как и в шахматах, есть грань, отделяющая любителей от профессионалов. Любителей много, а профессионалы – это люди не рядовые. Давно замечено, что кто хорошо, профессионально играет в эту игру, и в жизни не простой человек, а или начальник, или занимается умственной работой. Плотников, водопроводчиков, токарей-слесарей среди сильных игроков в преф что-то не встречалось.

Чем эта игра еще хороша? Интересно смотреть на сам ее процесс. И особенно тогда, когда играют настоящие профессионалы. Это спектакль. Сидят за столом четыре человека, четыре личности, если хотите – четыре артиста, потому что даже непроизвольно они играют свои роли. Один, к примеру, резонер, меланхолично комментирует ситуацию, но больше помалкивает. Другой – сангвиник, дергается, веселится, комментирует правила преферанса, его заповеди, которые, конечно, каждый приличный игрок неплохо знает и без него. Такие, например, как: сначала посмотри карты соседа, свои всегда успеешь, карта слезу любит и другие. Третий – меланхолик, иногда комментирует действия партнеров, по поводу своих возможностей сдержан, осторожен, рисковать не любит. Берет обычно свое, что положено. Четвертый, флегматик, не дергается за пределы своих возможностей. Такие, как правило, не выигрывают. В лучшем случае расходятся по нулям. Но игра для них – удовольствие: здесь не надо говорить, участвовать в дебатах, что он не любит. Максимум, что требуется – сказать «да», или «нет». Это его вполне устраивает. И не надо быстрой игры ума, что у него отсутствует. Можно спокойно подумать. Конечно, будут торопить, но, зная его привычки и способности, могут и потерпеть, подождать.

Комбинации характеров игроков могут быть разные, но если

компания постоянная, то происходит естественный отбор и остаются те, кто представляет разные типы людей. Не могут собраться за одним столом четыре флегматика, такая компания обречена: ну, раз сыграют вместе, ну два, а дальше неинтересно и скучно. И возникают силы отторжения, не очень понятные, но конкретно проявляющиеся в том, что один скажет, что у него нет времени, другой на охоту собрался, третий – да просто не настроен сегодня играть.

Хуже, если собираются играть сангвиники. Блеск их остроумия, их быстрая реакция начинают утомлять друг друга уже через полчаса. А к концу игры все понимают, что компании в таком составе в следующий раз лучше не собираться.

Ну, а если вдруг судьба свела за одним столом четырех холериков, то здесь, как говорится, туши свет, игры не будет. Начнется выкобенивание, шутки на грани оскорбления, элементы хамства. И каждый чуть ли не с самого начала будет думать, а на кой черт я ввязался играть с этими обормотами?

Читатель, надеюсь, понял, что подбор компании для игры в преферанс – дело не рядовое, а умственное дело, не каждый, кто умеет играть, будет принят в круг игроков, с которыми приятно проводить время. То есть сесть-то играть можно с любыми людьми, а вот будет ли продолжение – это неизвестно. Да простят меня те, кто читал эти длинные рассуждения о преферансе, но без них трудно было бы понять дальнейшее изложение, ради чего и начал я писать этот рассказ.

А суть вот в чем. Дело было на Айхале в 1961г., в самом начале освоения этого богатейшего месторождения алмазов. Оптимальная компания игроков подобралась довольно быстро. Они были связаны между собой какой-то симпатией. Игру понимали тонко, и знали, что партнеры ценят их именно за это.

Смотреть на эту компанию, на их игру было наслаждением. Это был спектакль и участвовать в нем можно было всем окружающим. Не возбранялось подойти к игроку, посмотреть его карты, что-то ему посоветовать, против чего-то возразить. А можно просто смотреть на игру, как на театральное действие, на сшибку характеров, на развитие сюжета, на эмоции игроков, вдруг взявших заказанную десятерную, или неожиданно профукавших верный мизер. А то, смотришь, сидит игрок и не идет ему карта. Слышно только: «Пас!», «Пас!», «Без

Н.Л.Пирогов

меня!» В лучшем случае: «Вист!» Зрители из тех, кто в этом что-то соображает, хватают его за руки, советуют играть шестерную, семерную. А он тверд: «Нет, - говорит, - нельзя». Ждет. И вдруг пошла карта. Берет игру за игрой, удивляя партнеров.

Короче, все сложилось – и компания игроков, и их окружение, если хотите - группа поддержки. Играют каждый выходной, а если случается, что все свободны от работы, то и в середине недели. Из четверых игроков трое были возраста 30-35 лет. Молодые, хваткие, с памятью, фиксирующей все нюансы игры. Их комбинации поражали. Они не только выигрывали то, что положено, но и быстро и четко объясняли, что должно получиться, если бы партнеры действовали не так, как по их мнению следовало. Приятно и удивительно смотреть, как они мгновенно принимали решение, когда согласившись открыть карты, играя против партнера, заказавшего игру, тут же собирали карты в кучу. В общем - блеск ума, непостижимые, удивительные способности. Зрители переглядывались, поджимали губы и качали головами, молча выражая восхищение мастерством игроков, недоступным для большинства из них.

Четвертым игроком был невзрачный мужичок. Работал он в карьере алмазной трубки нормировщиком. Тихий, незаметный. Точно было известно, что ему вот-вот стукнет 55 лет. Он дорабатывал последние месяцы перед оформлением льготной северной пенсии, которая положена на 5 лет раньше. Игрок он был, и все это видели, так себе: вечно сомневался, немного суетился. Когда открывали карты и разбирали возможные комбинации, он никогда не активничал, не лез со своим мнением. Только иногда что-то посоветует, подскажет не очень уверенно. Но что интересно: его подсказки почти всегда принимались. Нельзя сказать, что ему везло. Крупные игры у него случались редко.

Если молодые любили рисковать, бывали у них в игре и спады, и подъемы, то дед, как уважительно называли нормировщика молодые мужики, рисковать не любил, играл ровно и спокойно, никогда не горячился. Когда игра заканчивалась и подсчитывали результаты, то оказывалось, что дед всегда оставался в плюсе. Бывало, что кто-то крупно выигрывал. Крупно – это рублей 150. Или проигрывал рублей 100. Дед же никогда много не выигрывал: 30, 40, а чаще - рублей 50.

Никто и не удивлялся, где уж ему с его игрой много выиграть.

В один из дней дед объявил, что завтра он улетает, а сегодня приглашает всех на дружеский ужин. Документы для пенсии оформлены, расчет получен и по этому поводу директор согласился выдать бутылку спирта из неприкосновенных запасов. Спирт развели водой, получилось, как и положено, две с половиной бутылки водки. Сели за стол в палатке шесть человек: постоянные партнеры по преферансу и еще двое друзей деда, близкие ему по возрасту. Надо сказать, что для поднятия настроения спиртного вполне хватало. Пьяными не были, но поохотились вдоволь. Впервые видели деда не скованного, напряженного, скучного, а с блестящими глазами и немного разгильдяйскими замашками: то водку в рюмку перельет, то горчицу положит в чужую тарелку.

К концу веселья дед вдруг заявил: «Хотите, мужики, я вам фокус покажу?» «Покажи» - говорят. Взял он колоду карт. Вид у них был хоть и новый, но играли ими не один раз. Отделил от колоды штук 10, посмотрел на каждую карту с лица и особенно внимательно – с рубашки, бросил их на стол и говорит: «Показывайте мне их по одной с рубашки». Все карты назвал правильно, ни разу не ошибся. Восхищались: «Ну, дед, у тебя и память! Тебе в цирке можно выступать!» Некоторые, глядя на деда, задумались. А он вдруг заторопился, стал быстро прощаться и выпроваживать гостей: «Вставать рано, вертолет будет в шесть утра, а еще собраться надо».

Бывшие партнеры деда отправились в свою палатку. Шли молча, ясно понимая, что дед все эти месяцы играл с ними, зная практически их карты. Понятен был им теперь и его постоянный сравнительно небольшой выигрыш. Выигрывать много – дураком быть. Сразу потеряешь партнеров. Один из игроков, прораб из ОКСа, сказал: «Дед-то ведь за то время, что с нами играл, тысячи полторы заработал, не меньше. И знаете, что интересно? Очень трудно выигрывать понемногу, когда знаешь карты партнеров, или когда тебе карта прет. А он сумел. И ведь мы ни разу ничего не заметили. Я читал рассказ довольно известного писателя, то ли Куприна, то ли Гаршина. Дело было до революции. Ожидал суда один человек за какое-то серьезное преступление. Спасти его можно было только одним путем – дать хорошую взятку судье или прокурору, точно не помню. А тот взятку не

Н.Л.Пирогов

брал. Знали, что он любил играть в карты и был сильным игроком. Остался единственный вариант – попытаться проиграть ему деньги в карты, авось смягчится. Устроили игру, брат обвиняемого сел играть. Но как ни старался, перла такая карта, что обобрал он партнера до нитки. А на следующий день обозленный чиновник вынес обвиняемому смертный приговор. Так-то вот. А наш дед, точно, смог бы проиграть, если нужно. Профессионал, не нам чета, это факт».

Рассказ Белова

Анатолий Сергеевич Белов – ниже среднего роста, полненький, пузатенький с короткими ручками, по земле не ходил, а как бы катился. Неунывающий весельчак и балагур, знаток анекдотов и великолепный их рассказчик. Мастер сочинять истории. Может быть и эту сочинил, а может и нет, может то, что я перескажу с его слов, и было на самом деле.

«Поехал я в Ленск в командировку на УАЗике-фургоне. За рулем – водитель, я – рядом. Дело было поздней осенью. Кругом снег – и в тайге, и на дороге. Остановились, вышли по малой нужде. Стоим с водителем рядом с машиной и пишем в кювет на какую-то вроде бы шерсть, выступающую из снега. Не успели закончить, как «шерсть» не то, чтобы зашевелилась, а просто подпрыгнула и так рывкнула, что мы оба с незастегнутыми штанами взлетели на крышу УАЗика.

«Шерсть» оказалась здоровенным медведем. Описанный нами зверь стал гонять нас по крыше машины, пытаюсь достать передними лапами.

В кабине лежала винтовка, но добраться до нее нечего было и думать. Бегаем по крыше и вдруг (о, счастье!) слышим звук подъезжающей встречной автомашины. Машем руками, кричим. Грузовик остановился от нас близко, метрах в десяти. Вышел водитель, идет к нам, на ходу спрашивает насмешливо – весело: «Чего случилось-то? Чего орете?» Кося глазами на медведя, кричим: «Медведь!» А медведь был в это время за нашей машиной. «Какой на х-- медведь?» – водитель грузовика не успел и договорить, как медведь выскочил из-за УАЗика на дорогу. Веселый водитель мгновенно оказался рядом с нами на крыше фургона. Топчемся втроем.

Дорога Мирный – Ленск напряженная, машины по ней ходят часто. Слышим вскоре, что едет машина со стороны Мирного. Тоже грузовик. История повторилась. Сидим на верху уже четверо. Бегать

Н.Л.Пирогов

по крыше теперь нельзя – места не осталось. Прижались друг к другу, держимся за руки, вертимся в центре и от когтей зверя аккуратно отступаем на противоположный край, стараясь не сорваться. А он, мерзавец, бегает вокруг машины на задних лапах и все силится нас достать.

Едет мотоциклист. Увидел нас издалека: три машины рядом и четыре человека на крыше УАЗика. Только и успел сказать: «Мужики!» и сделать к нам шага два, как выскочил медведь и сшиб его с ног. Мой водитель мгновенно прыгнул, схватил винтовку и выстрелил в ухо медведю. Впрочем, мы победили, но медведь успел хватануть мотоциклиста за ягодицу. Отвезли мы его сразу же в больницу.

Медведь оказался тощим и драным, шерсть его сваялась и была не поймешь какого цвета. Роста был высокого, но сил, видно, у него было уже мало и достать нас поэтому не смог.

Вся история-то эта заняла минут десять, но было уже холодно – градусов под 30. И, если честно, то я так и не успел застегнуть штаны и немного подморозил основной орган.

А ведь могло быть и значительно хуже. С самого начала махнул бы медведь своей когтистой лапой и ... сами понимаете, что могло случиться. Мораль простая: не писай на кого попало».

Свобода

*Сюжет рассказан Р.Т. Кочетковым, как
действительный случай*

Владимир Петрович, первый секретарь райкома партии в Якутии, провожал в отпуск жену и детей. Было жаркое лето. Температура уже с неделю держалась под тридцать градусов. Ехали в аэропорт на райкомовской «Волге». Все окна были открыты, но прохладней от этого не становилось.

Жена с двумя сыновьями десяти и двенадцати лет сидела на заднем сиденье и давала последние наставления мужу: «Володя, ждем тебя в Москве через две недели. И пожалуйста, больше не соглашайся с обкомом откладывать отпуск. Что это такое? Сначала разрешают, а потом, видите ли, какие-то дела нужно доделать. А чем раньше думали? А семья что – тоже должна что-то ждать? Ты же первый секретарь, ведь не слесарем же работаешь. Прояви твердость».

Она бы и дальше продолжала в том же духе, но Владимир Петрович, подбородком и глазами показал на водителя, дескать, что ты распускаешь язык, позоришь меня перед подчиненными. Ну, а вслух, спокойно и солидно сказал: «Раиса, давай прекратим этот разговор, все ясно, никто меня задерживать не будет. Через две недели встретимся в Москве. А ты выполняй культурную программу. Что наметили, все сделай: планетарий, зоопарк, театры, музеи. И не заметите, как пролетит время. Да, и смотри, чтобы мальчишки не заболели. В такую жару наедятся мороженого – вот и ангина».

Вдали показалось здание аэровокзала и, торопясь, Раиса затараторила: «Володя, все продукты, кроме хлеба, есть в холодильнике. Обязательно ешь суп. Как его готовить, я тебе написала. Не ленись, делай, как положено. А то без нас наживешь какой-нибудь гастрит или язву. Убираться в квартире не надо. Ничего не случится, пыли много не будет. Возвратимся – наведу порядок».

Машина подъезжала к аэродрому. Владимир Петрович облегченно вздохнул, довольный, что не нужно продолжать этот бессмыс-

Н.Л.Пирогов

ленный разговор. Еще не остановились, а навстречу уже шел начальник авиапорта. Владимир Иванович про себя отметил: «Молодец, знает субординацию».

Поздоровались, обменялись мнениями о погоде. Сошлись на том, что такая жарыща хороша сушить сено, да плохо, что трава не выросла, сожгло ее солнце. Начальник взял у водителя документы отъезжающих и отдал их на регистрацию проходившей мимо работнице авиапорта.

Самолет вылетал по расписанию. Вскоре объявили посадку, и когда она закончилась, к трапу подъехала райкомовская «Волга». Владимир Петрович простился с женой и детьми, трап отъехал, и самолет, страшно гудя турбинами, медленно покатился к началу взлетной полосы. Вот он встал на старт, турбины завывли еще сильнее, самолет медленно затрясся, резко рванул с места, быстро набирая скорость. Взлетел, убрал шасси и вскоре исчез за горизонтом.

«Владимир Петрович, у вас теперь две недели свободы - добродушно улыбаясь, сказал начальник порта – что ни говори, а жена у нас, у мужиков, главный начальник». Владимир Петрович в ответ как-то неопределенно хмыкнул. Никаких особых ощущений свободы у него не было.«А посему – продолжал начальник – нам нужно отметить это событие. В такую жару пить не рекомендуется, но по одной рюмочке можно. Мне привезли великолепный коньяк. Французский. Есть смысл попробовать». И сделал приглашающий жест в сторону своего кабинета.

Владимир Питрович с подчиненными не пил никогда, это было его железное правило, да и вообще почти не пил и считался непьющим. А тут вдруг подумал:«Может, действительно, попробовать, сегодня суббота, день нерабочий. Да и поговорить с начальником есть о чем. Давно намечал, да все времени не было. Укоряют меня, что избегаю неформальных контактов, все, дескать, официализирую. Ну, что ж, и коньячку выпьем, и поговорим». И он в ответ на вопросительный взгляд начальника сделал уверенный жест рукой, означавший, что он согласен.

Возникла неожиданная сложность: он не помнил, как того зовут. Очень неудобно, просто некрасиво, ведь ему представляли его недели три назад, когда он приступал к работе. Известна фамилия – Кондра-

шов, а вот зовут ..... Помог случай – навстречу им попался мужчина в летной форме и обратился к начальнику: «Виктор Семенович, здравствуйте...» и начал излагать какую-то свою просьбу. Виктор Семенович попросил его прийти к нему в кабинет через час.

Настроение Владимира Петровича поднялось. В жизни часто бывает, что какая-нибудь незаметная мелочь влияет на настроение человека больше, чем трудная и сложная проблема. Он легко и весело поднялся за Виктором Семёновичем по бетонным ступенькам крыльца и вошел в его кабинет.

Начальник порта, оказывается, был милейший человек. Владимир Петрович жалел, что не познакомился с ним раньше поближе. Они были примерно одного возраста – лет по тридцать пять. Выпили по рюмке коньяка – холодного, ароматного, закусили долькой лимона. Виктор Семёнович смеялся, что за то, что они пьют охлажденный коньяк, нарушая все правила потребления этого напитка, их надо наказывать в партийном порядке. Владимир Петрович поддержал этот веселый настрой. Он почувствовал себя легко и свободно в обществе этого человека. Поговорили немного о делах. Начальник рассказал о своих планах. Владимир Петрович иногда вставлял кое-какие реплики, но не как секретарь райкома, (чему сам и удивлялся), а как равный собеседник. Незаметно они допили бутылку, закусывая лимоном и шоколадкой.

В кабинет постучался и заглянул тот самый летчик, который час назад обращался с просьбой к Виктору Семёновичу. Как ни хорошо было Владимиру Петровичу, но он даже обрадовался, что появился удобный случай раскланяться. Он все-таки первый секретарь райкома и должен беречь свою репутацию. Вежливо, сердечно попрощался. Виктор Семенович проводил его до машины.

Душа у Владимира Петровича пела. Он, пожалуй, впервые лет за десять с тех пор, как попал в партийную обойму, вот так запросто встретился с почти незнакомым человеком, как все люди посидел с ним, поговорил. Выпитый коньяк приятно туманил голову, тянуло сделать что-нибудь необычное, то, что раньше не делал, сдерживал себя. «Слава – обратился он к водителю – ты, что сегодня планируешь?» «В такую жару чего же планировать? Пойду на речку, загорать, купаться. Сейчас весь поселок там». «А, действительно, можно сходить

Н.Л.Пирогов

искупаться» - подумал Владимир Петрович. «Слава, заедем ко мне, возьму, все, что нужно и махнем на речку».

Приехали на берег реки, поставили машину в тени тальника, рядом с десятком «Жигулей» и «Москвичей». Слава сразу пошел искать своих приятелей. Владимира Петровича стали звать в несколько компаний, махая ему руками и приветливо здороваясь. Он решил присоединиться к группе районных энергетиков, все-таки солидная публика. Оказалось, что у заместителя начальника энергосетей именно сегодня день рождения. За первый тост уже выпили, а второй предоставили говорить Владимиру Петровичу. Он не отказывался, но когда увидел, что водку разливают по двухсотграммовым стаканам, немного оробел, осилит ли он такую дозу. Но шумная компания быстро его переубедила: «Владимир Петрович, вы же мужчина молодой, сильный, да вам этот стакан, что слону дробина».

Поднял стакан и коротко сказал о задачах энергетиков в районе и о том, что решать их предстоит юбиляру и поэтому его здоровье – это залог успеха в этом деле. Хорошо сказал, все были очень довольны: «Под такой тост грех не выпить. Да, Владимир Петрович, умеете вы самую суть отметить». Пили за юбиляра, но при этом все с восхищением смотрели на первого секретаря.

Закуска была – лучше не надо: копченая и малосольная рыба, вареное мясо, зелень. Владимир Петрович принес из машины несколько бутылок холодного пива. Выпили с удовольствием. Настроение было прекрасное. Начальник энергорайона вдруг хлопнул себя по голым ногам: «Мужики! Да ведь мы же сюда купаться приехали. А ну, давай все в воду!» Пока шли к реке договорились, что надо сплавать на остров, там под навесом стол накрыти шашлыки уже, наверняка, жарят.

Владимир Петрович шел в этой шумной компании и замечал, что многие на пляже смотрят на него, некоторые показывают в его сторону рукой. Все-таки первый секретарь, среди народа, в одних плавках – такое не часто увидишь. А он знал, что как мужчина, выглядит очень неплохо: среднего роста, мускулистый, еще не наживший себе животик. В общем, мужик, что надо.

А хмель давал себя знать. Весь его организм переполнился какой-то слащавой любовью к людям, которые его окружали, и он уве-

рен был, что и они его любят. Он ощущал необычную свободу и раскованность, которые сменили прежнюю сосредоточенность и напряженность.

Владимир Петрович окунулся в воду и встал на дно, раздумывая, стоит ли плыть на остров, все же расстояние немалое – метров пятьсот, а он уже выпил изрядно, как бы чего не случилось. Плышет мимо него лодка, на веслах – мужик средних лет.

- Эй, друг, на остров не подбросишь меня?

- Садись, я как раз туда и двигаюсь.

В несколько гребков Владимир Петрович преодолел метров десять, ухватился за борт и мощным рывком подбросил свое тело вверх. Лодка черпанула бортом воду. Мужик такой прыти не ожидал и еле удержался, чтобы не оказаться в воде. Очухавшись, он разразился такой бранью, что слова «козел», «мудак» и «засранец» были просто ласковыми по сравнению с другими, что предназначались Владимиру Петровичу. Все, кто это видел и слышал, хохотали. Перенести, стерпеть это он не мог. В конце концов - он же руководитель района. Честь-то надо беречь. Решение принял тут же: коротким хлестким ударом в ухо вышиб нахала из лодки. пляж оценил это по достоинству. Раздались аплодисменты и крики: «Молодец!».

И дальше нужно было действовать так же решительно. Сел за весла и изо всех сил стал грести к острову. Дорогой напряженно думал, что делать. Решил пристать к заросшему тальником берегу, где не было людей, отдохнуть немного и собраться с мыслями.

Причалил, привязал лодку к ветке дерева и, разгоряченный греблей, стал интенсивно вычерпывать воду жестяной банкой. В результате обнаружил белую простынь (видно скатерть для стола), запас хлеба, водки, пива и разных консервов. Все это невезучий мужик доставлял товарищам, которые, наверняка, ждали его на острове. Хлеб и простынь намокли, а бутылки и банки – им хоть бы что, ярко сияли на солнце веселым стеклянным и металлическим блеском.

Мысли в голове Владимира Петровича скакали, как кузнечики. За последние десять минут случилось то, что и в страшном сне не придумаешь. Взгляд остановился на бутылке водки: «Выпить немедленно! А там, глядишь успокоюсь и видно будет, что делать». Откупорил бутылку, прямо из горла выпил, не останавливаясь, половину. Вытер

Н.Л.Пирогов

губы. Закусывать даже не тянуло. Посидел минуты три. Действительно, пришло спокойствие, даже равнодушие. Накрылся мокрой простынею (в жару это было особенно приятно) и, как ему показалось, вздремнул немного.

А прошло часа три. Проснулся и реально осознал весь ужас своего положения. Последние события прокрутились в его мозгу, выдавывая из горла хриплый стон: «Что я натворил! Что же делать?» И опять быстро принял решение: «Выпить, скорее выпить». Влил в горло водку, оставшуюся в бутылке. Снял металлическую уключину, пробил ей щель в банке и закусил рыбой в томатном соусе. Запил бутылкой пива. Неприятные мысли отодвинулись. И опять потянуло спать.

На берегу его не сразу хватились. Думали, что он на острове. А на острове считали, что он остался на берегу. Искать стали, когда с пляжа народ стал расходиться по домам. На моторке два раза объехали остров, но лодку не заметили. Всерьез встревожились, когда пляж опустел и убедились, что секретаря и дома нет. Организовали системные поиски, но – безрезультатно.

А в это время Владимир Петрович спал в лодке. От волн, поднятых моторкой, она отвязалась, поплыла по течению и, незамеченная никем, скрылась от людских глаз. Он проснулся от страшного зуда – все тело и особенно лицо были искусаны мошкой и комарами. Зуд был нестерпимый. Его и раньше кусали комары – на охоте или на рыбалке. Но это были случайные укусы, потому что всегда он готовился к встрече с ними – мазался специальной жидкостью, а иногда использовал накмарник. А здесь его кровь безнаказанно сосали сотни кровопийц. И если комары засовывали свой тоненький хоботок в его тело, которое накачивало их кровью, то мошка прокусывала кожу, каждый раз оставляя маленькие кровоподтеки.

В довершение ко всему с похмелья трещала голова. Ощущение было незнакомое, такого с ним никогда не было. Плохо соображая, что делает, однако быстро и без колебаний, он распечатал бутылку водки и жадно, не переводя дух, отпил сколько мог. Опять немного легчало. Оставшейся в бутылке водкой протер лицо и тело. Только после этого оглянулся по сторонам и ясно понял сложность своего положения: раздетый догола, в лодке с одним веслом (как потерялось второе

– не заметил), посреди широкой реки с абсолютно безлюдными берегами.

Хмель от очередной порции выпитой водки уже привычно, как наркоз, притупил сознание. Мысли потекли медленно, неторопливо. Стало очень жалко себя. По щекам потекли пьяные слезы. Собрался с мыслями и решил, что выбора у него нет. Река впадает в Алдан. По всем признакам уже близко устье. Берега безлюдные. Причалить к ним можно даже с одним веслом, но зачем, что это даст? Комары и мошка сожрут. А на реке гнуса почти нет, ветерок его разгоняет. Так что надо оставаться в лодке и ждать, когда тебя кто-нибудь заметит. Алдан река судоходная и ждать долго не придется, подберет какой-нибудь пароход. С голода не умру, еды полно. Вспомнил о пище, и очень захотелось поесть. Той же уключиной ловко открыл банку с мясной тушенкой, взял мокрую буханку хлеба, и опять потянуло выпить. Не раздумывая, открыл бутылку, отхлебнул глотка три – четыре, закусил мясом с хлебом. Стало холодать. Завернулся в простынь и устроился на корме, на теплой сухой лавке. Заснул тут же.

В середине дня, в воскресенье его нашли. Обнаружил его местный егерь, плывший на моторной лодке по своим делам. Сообщил по радиации в район. Приехал второй секретарь, руководивший поисками, и с трудом узнал в искусанном гнусом, с опухшим от водки лицом и полубезумными глазами человеке их первого секретаря.

Отвезли его домой, и он проспал там целые сутки. Проснувшись, лежал с закрытыми глазами. Непрерывно звонил телефон, но он трубку не брал. Думал. Все, что вспоминалось, было просто неправдоподобно, как будто было не с ним. «Да, хлебнул я свободы, как тот попугайчик» - он горько усмехнулся. В прошлом году у них в незакрытую форточку случайно вылетел волнистый попугай. Жена успокоила: «Ничего страшного, полетает немного на свободе и вернется обратно». А он не успел сесть на дерево напротив окна, как на него налетели вороны. Через минуту от попугая ничего не осталось. Дети плакали, жена держалась за сердце. «Милые вы мои, дорогие, а что теперь-то вы будете делать? А что мне делать? Что делать? А, в общем-то, ясно, что делать! Надо уезжать, оставаться нельзя. Просто невозможно. Этот позор не пережить ни мне, ни семье».

Владимир Петрович достал со шкафа небольшой чемодан, по-

Н.Л.Пирогов

бросал в него документы и самые необходимые вещи, собрал все деньги, что были. Позвонил водителю и попросил быть наготове. Связался с начальником авиапорта. Виктор Семенович, конечно, все знал, но виду не подал, вел себя, как будто ничего не случилось. На просьбу срочно сделать один билет до Москвы ответил коротко: «Сделаю, вылет через два часа».

Владимир Петрович сел к столу, написал заявление с просьбой освободить от работы по семейным обстоятельствам. Подумал и приписал, что любое партийное наказание примет как должное и согласен на заочное рассмотрение дела. Расписался, положил бумагу в конверт. Заклеил, написал фамилию адресата.

Страшно щемило сердце. Таких болей он прежде не знал. Зажал рукой левый бок, немного согнулся. Но боль не отпускала, наоборот, стала какой-то жгучей, как будто отхлестали крапивным веником. Позвонил Славе, сказал, что приехать к дому нужно через час. Подошел к зеркалу: лицо в буграх от укусов кровососов было бледное, как бумага. Стал искать в аптечке что-нибудь от сердца. Но таких лекарств у них никогда не было. Понял, что искал зря и с большим трудом дошел до дивана.

Когда приехал Слава, Владимир Петрович был без сознания. Вызвали скорую помощь. Она прибыла через десять минут. Но было уже поздно. Врач посмотрел на бездыханное тело, вздохнул, развел руками: «Я бессилен. Это инфаркт. Обширный инфаркт».

ТЯГОТЫ ЖИЗНИ

Районное начальство в Якутии всегда на виду. Это не Москва или даже не какой-нибудь российский город, где живут сотни тысяч человек. В Якутии 30 тысяч населения в районном центре – уже очень много. Но что такое даже 30 тысяч? Это ведь все знают все про всех, а про начальство – тем более. Это знание особенно серьезно осложняло жизнь партийным руководителям: ведь они должны быть образцом во всех отношениях, особенно в моральном плане.

Придет такой человек в гости даже к ближайшим соратникам, – и лишнюю рюмку не выпей, не скажи чего лишнего, танцевать надо думать, с кем. А, не дай бог, хлопнуть какую-нибудь женщину дружески по попе – вообще капут, ославят и не оправдаешься.

Короче говоря, тяжелая была жизнь у районного партийного начальника. И вот, настрадавшись в такой обстановке 2-3 месяца, он едет в Якутск или на пленум, или на собрание республиканского актива, или на какое-либо подобное мероприятие. В аэропорту прощается с сопровождающими, со строгим выражением лица дает последние наказы, наставления, советы, садится в самолет и ...буквально после взлета это – другой человек.

Он начинает отдыхать, он уже не секретарь, он – свободный гражданин. Глаза сами ищут женщин посимпатичней, от рюмки не отказывается, анекдоты и послушает с удовольствием, и сам расскажет. Прилетает в Якутск человеком, абсолютно готовым к окончательному освобождению от всяких условностей, которые держали его в районе в жестких рамках.

Примерно в такой вот кондиции прибыл как-то в Якутск секретарь одного из райкомов партии Иван Христофорович. По общей оценке и начальства, и районных работников – деловой и умный человек. Устраивается в гостинице и сразу же идет в обком – отметить, узнать программу предстоящего мероприятия.

Дальше все ясно: вечер свободный, значит – в ресторан с

Н.Л.Пирогов

друзьями, с коллегами, которых не видел несколько месяцев. Уже в ресторане потянуло покорить какую-нибудь представительницу прекрасной половины человечества, да объект подходящий не подвернулся.

Ну, что ж, не повезло в ресторане, зато повезло в гостинице. Идет в свой номер и вдруг – не верит своим глазам: из его комнаты выходит женщина, симпатичная сказать мало, просто красивая. Средних лет, фигуристая. Ну, думает, вот оно – везение. Она представилась горничной, сказала, что сменила полотенца. Уговорил ее вернуться в номер, угощал фруктами, налил вина. Фрукты она попробовала, а вино пить не стала: на работе нельзя. Только и смог он в этот вечер погладить ее руку от кисти до локтя. Убежала, говорит, что в номерах задерживаться не разрешается. Но обещала прийти завтра.

Иван Христофорович давно не испытывал таких сладких мук ожидания. Какие только картины не рисовало его воображение! Заснул с большим трудом. Республиканское совещание закончилось на следующий день часов в пять вечера. Осталось в распоряжении Ивана Христофоровича конец дня и завтрашний день. Мало, очень мало времени. «Но ничего, сдюжим. Большевики трудностей не боятся», – так он при случае говаривал в районе, воспитывая молодежь.

Проблемы, которые намечалось решать с областными организациями, были отложены. Иван Христофорович пошел в магазин и купил все, что положено для встречи гостыи. Увидел ее на своем этаже в комнате для горничных. Сердце защемило от счастья. Подмигнул ей, она – ему, и минут через пять явилась к нему в номер. Гостью звали Зиной. От вина не стала отказываться. Объяснила, что свою смену закончила и может себе позволить побывать в гостях.

Вино сделало ее просто неотразимой: глаза блестели, лицо порозовело, волосы слегка растрепались и красиво легли на плечи. И отношения у них стали налаживаться. Ивану Христофоровичу уже было позволено и руку поцеловать, и за талию обнимать. Все бы хорошо так и продолжалось, но Зина вдруг заторопилась домой и, как он ее ни уговаривал, ласково, но твердо настояла на своем. Уходя, обняла и поцеловала его в щеку. Договорились, что уж завтра она точно торопиться не станет, придет и побудет у него подольше.

Она ушла, а Иван Христофорович, распаленный, не мог успо-

коиться. Ходил по комнате, как разъяренный тигр в клетке. Подвернись ему сейчас любая особа в юбке, о-о-о, что бы он с ней сделал! Бурлящая в нем энергия требовала выхода. Хватил стакан водки, хмеля не почувствовал. Выпил второй стакан, слегка закусил, стало полегче. Зазвонил телефон. Его звали в гости соседи по району, приехавшие на это же совещание. Согласился с радостью. Идти далеко не надо было, приятели располагались на этом же этаже.

Компания была веселая. Выпили немало. С трудом расстался с ними в первом часу ночи. Шел к себе в номер и опасался, как бы не завалиться по дороге. Опыт на этот счет уже был. Знал, как нужно правильно идти. Конечно, можно просто держаться за стенку, наверняка не упадешь, но всем видно, что ты пьян, а это уже плохо, кто-нибудь да расскажет об этом начальству.

Правильное хождение в нетрезвом виде по коридору требовало определенной сноровки. Главное тут было – определить оптимальную дистанцию от стенки, затем, чуть-чуть наклонившись в ее сторону, незаметно одним-двумя пальчиками до нее вроде бы дотрагиваться. Легкий крен в сторону стены давал уверенность, что тело не качнется в другую сторону, где нет опоры, а то ведь не дай Бог и равновесие потеряешь. И еще одно условие надо было соблюсти обязательно – это идти в бодром таком темпе, не бежать, упаси Господи – скорей упадешь, но идти быстро, так как при медленном шаге начинается качка.

Это искусство хождения в нетрезвом состоянии Иван Христофорович освоил уже давно и прочно. Поэтому и дошел до номера без всяких приключений. Но впереди его ждало новое испытание: надо было попасть ключом в замочную скважину, повернуть ключ и тут же войти в комнату. Сложность была в том, что, вставив ключ, он мог расслабиться. Так уже было один раз, когда перегруженный алкоголем организм отреагировал на эту маленькую промежуточную победу, как на крупное достижение – и отключился, заснул у двери снаружи помещения. Даже вспоминать неприятно. Ну, а сейчас все было нормально. Старый опыт, помноженный на волевое усилие, не допустил сбоя.

Спал Иван Христофорович, как убитый. Разбудил его телефонный звонок. Вчерашние приятели побеспокоились, не дали проспать. Голова трещала. Посмотрел в зеркало – ох! Лучше бы и не смотрел.

Н.Л.Пирогов

Кое-как привел себя в порядок. Побрился, умылся, освежил дыхание своим отработанным способом: несколько минут жевал специально приготовленную для этого траву. Использовал и еще одно проверенное средство: две-три капли нашатырного спирта на стакан воды хорошо приводили его в более-менее нормальное состояние после неумеренного потребления спиртного. Есть не хотелось. И несмотря на принятые меры, здорово тянуло опохмелиться. Но – нельзя, есть неотложные дела, так что надо терпеть.

Перебрал бумаги, которые были подготовлены еще в районе, и пошел «решать вопросы». Бумаг было не так и много. Сначала зашел в Облсовпроф, поскольку дела там были самые легкие. Без труда договорился о выделении районным организациям дополнительных путевок в санатории и дома отдыха. Пришел бы чуть позже – и эти путевки достались бы другому району.

Окрыленный успехом, прямо из приемной председателя созвонился с двумя республиканскими министрами о времени приема. И здесь все удалось. Встречи состоялись строго в назначенное время и с обоими министрами удалось прийти к согласию именно в той постановке проблем, как они обозначались в письмах в их адрес. Конечно, успех во многом объяснялся тем, что Иван Христофорович знал этих министров давно: лет пятнадцать назад они вместе работали на угольном карьере. Знакомство, без сомнения, помогло, но ведь и сами проблемы были проработаны и грамотно поставлены. Решил про себя, что руководителей районных предприятий, готовивших письма, надо похвалить. Молодцы, грамотно поставили вопросы. Чувствуется моя школа.

Итак, общественные дела закончились. Теперь можно заняться и личными проблемами. Во-первых, хватит мучиться, нужно немедленно опохмелиться и почувствовать себя нормальным человеком. Вариантов было несколько. Самое простое решение – выпить граммов сто у себя в номере. Вариант посложней (по затратам времени) – пообедать в ресторане гостиницы. На ум пришел и третий вариант («Будь он проклят», – такими словами вспоминал его впоследствии Иван Христофорович) – навестить семью давней подруги жены.

Решил сделать жене приятное. Позвонил этой подруге и надо же, она оказалась дома. Долго разговаривать не стал. Сказал ей, что у него

всего полчаса времени, что он рассчитывает наскоро перекусить у нее и убежит по своим делам. Зашел в магазин, купил бутылку вина, коробку конфет приобрел еще раньше в министерском буфете и минут через двадцать появился в гостях. Ситуация сразу стала развиваться по непредусмотренному сценарию. После обмена любезностями и передачи приветов выяснилось, что от подруги совсем недавно ушел муж. Наскоро опохмелившись, Иван Христофорович вынужден был как мог утешать придавленную горем женщину.

В процессе утешения как-то незаметно поглощая рюмку за рюмкой, которые хозяйка постоянно наполняла наливкой домашнего приготовления, он постепенно освобождался от принятых на себя обязательств. «А чего торопиться-то? Ну, приду в гостиницу на полчаса позже, ничего не случится. Зина никуда не убежит». Стал внимательнее приглядываться к хозяйке. Да, знала бы жена, что ее подруга осталась одна, ни за что бы не послала к ней Ивана Христофоровича. Уж очень хороша была подруга в своем горе. И утешениям поддавалась вроде бы даже с удовольствием.

Наливка пилаась легко и приятно, но силу ее Иван Христофорович оценил только тогда, когда захотел встать со стула. Ноги не слушались, перед глазами поплыли стены комнаты. Хозяйка настоятельно советовала ему прилечь и отдохнуть, начала было помогать ему раздеваться. Но Иван Христофорович был стреляный воробей. Категорически отверг это предложение и раздевать себя не позволил. Собрал волю в кулак и твердо заявил, что ему необходимо немедленно идти в гостиницу, где у него намечена важная встреча.

Хозяйка огорчилась, но удерживать его не стала. Помогла ему надеть пальто, но тут обнаружилось, что самостоятельно он может передвигаться очень неуверенно и одного его отпускать просто нельзя. Пришлось ей сопровождать его до гостиницы. Привела его в номер, только стала прощаться, как появилась Зина, которая сложившуюся ситуацию поняла так, как ее восприняла бы практически любая женщина, оказавшаяся на ее месте. Подруга жены очень быстро смекнула, что она лишняя, и тут же исчезла.

Положение было тяжелое. И усугублялось оно тем, что эта проклятая наливка подействовала и на речь, сделав ее бестолковой и бесвязной. А руки, наоборот, приобрели легкость и свободу и помимо

Н.Л.Пирогов

воли Ивана Христофоровича стали ловко хватать Зину за выпуклости.

От обиды у Зины затряслись губы. Она готовилась к свиданию, надела лучшее платье, сделала модную прическу, а этот гад, мало того, что напился пьяным и бабу какую-то привел в номер, еще и руки распускает. Свинья! Расплата наступила мгновенно: звонкая пощечина одной рукой, а другой – удар в поддых, от которого Иван Христофорович без сил опустился на кровать, ловя ртом воздух и всем своим организмом ощущая справедливость наказания. Руки Зины оказались на уровне его лица, он схватил их и стал целовать. Любовь к Зине с такой силой захватила его, что слезы буквально брызнули из его глаз. А говорить мог только одно: «Прости! Прости! Прости!»

Зина рывком освободила руки, брезгливо вытерла их о покрывало кровати. Твердым голосом скомандовала: «Ладно, Ваня, хватит болтать! Раздевайся и ложись! Быстро!» Такого оборота Иван Христофорович не ожидал. Подумал: «Господи, неужели прощен? Зинуля, ты просто святой человек!» Зина подгоняла: «А ну, быстрее!» Только Иван Христофорович залез под одеяло и стал ждать, когда и Зина начнет раздеваться, как в дверь кто-то негромко постучал. Зина сказала: «Войдите!» В комнату робко вошел молодой человек лет двадцати пяти. Это был секретарь райкома комсомола, член делегации Ивана Христофоровича. Он не ожидал встретить здесь женщину.

А Зина даже обрадовалась его приходу. Улыбнулась, предложила ему присесть на стул. Подошла к кровати, двумя руками подтянула край одеяла под подбородок Ивана Христофоровича и с силой пережав его горло так, что у него перехватило дыхание, злым голосом отчеканила: «Лежи, гад, и не дергайся! Встанешь, пьяница, хуже будет!» И ушла, хлопнув дверью.

Положение Ивана Христофоровича было, как говорится, хуже губернаторского. В какие-то секунды все переменялось: «Зина, почти моя Зина, красивая, ласковая оказалась такой стервой». И совсем было плохо то, что его позор видел этот мальчишка, комсомолец, с которым он не раз проводил воспитательные беседы, разбирая случаи пьянства среди молодежи. Положение комсомольского секретаря было не лучше: на его глазах произошло крушение идеала. Его бог, кумир, образец для подражания упал с пьедестала.

С минуту продолжалось тягостное молчание. Иван Христофо-

рович закрыл лицо одеялом, приходил в себя и напряженно думал, искал выход из этой поганой ситуации. Его хмельная голова прокрутила массу вариантов. И решение было найдено. Он откинул с головы одеяло. Его лицо, только недавно бывшее испуганным и растерянным, выражало привычную уверенность, губы растянулись в улыбке: «Вот, Вася, бывает же так в жизни. Случайно встретил свою давнюю любовь. Узнала, что я женился. Ревнует, не может мне простить измены. Да какая же это измена? Я и не знал, что она меня так любит. А сейчас вот обижается, мстит. Понять-то, конечно, ее можно. Она ведь до сих пор замуж не вышла. Говорит, что из-за меня. Ну, да бог с ней. Чего ж теперь поделаешь? У тебя-то какое ко мне дело, зачем ты ко мне зашел?»

«Да нет у меня никаких дел, Иван Христофорович! А зашел просто так, думал, может, ко мне какие-нибудь вопросы будут».

«Молодец, что зашел. Вопрос к тебе есть – Иван Христофорович засмеялся – мы с тобой мужики все-таки, понять ты меня должен. Такие вот выкрутасы судьбы одному переживать трудновато. Вот тебе деньги, купи, пожалуйста, бутылку хорошей водки в нашем буфете. Закуска есть. Только быстро, ладно?»

Пока Вася отсутствовал, Иван Христофорович привел себя в порядок: оделся, застелил кровать, сполоснул лицо холодной водой. Усмехнулся про себя. Я, дескать, действую, как Штирлиц, который говорил, что в разговоре запоминается последний эпизод. Вот мы сейчас с Васей выпьем как следует, он это и запомнит.

Отсутствовал Вася недолго. Выпить с первым секретарем, хозяином района было, конечно, для него лестно. Кому расскажешь, вряд ли и поверят. Одно немного смущало – он вообще не пил спиртное, не принимал его организм алкоголь. На праздник или на какое-нибудь торжество выпивал он, бывало, бокал шампанского или рюмку вина. Этим и ограничивался. Работал он на своем посту недолго, и этот его недостаток пока не мешал ему, но ощущался им самим, как большой минус, как препятствие, которое ему обязательно рано или поздно надо преодолеть.

Иван Христофорович похвалил Васю за оперативность, вылил содержимое бутылки в два стакана, наполнив их до краев. Один стакан подвинул ошеломленному Васе со словами: «Ну, комсомол, по-

Н.Л.Пирогов

кажи, на что ты способен!» Не готов был Василий к такому суровому испытанию. Максимальная доза, которую он себе представлял, это рюмка водки. Иван Христофорович поднял свой стакан, пронзительно со значением посмотрел в Васины глаза: «Ну, Василий Семенович, давай, за все хорошее! Нам с тобой еще сколько работать – ого-го!» и выпил медленно, не морщась, до дна.

У Васи на глазах был совершен подвиг. Он, конечно, видел, и не один раз, как пили водку такими дозами. На Севере это не в диковину. Но пили так мужики, рабочие или молодые парни на охоте или рыбалке. А тут – первый секретарь, это тебе не шутка. Сомнения были отброшены. Василий поднял свой стакан, солидно сказал: «Спасибо, Иван Христофорович! Ваше здоровье!» и, мобилизовав все внутренние ресурсы, так же медленно, с достоинством выпил его до дна. Но вот не поморщиться не получилось. Как ни старался, лицо исказила гримаса. Закусили шоколадкой.

Вася украдкой смахнул с глаз выступившие от напряжения слезы. Страшным усилием воли несколько секунд сдерживал рвавшуюся выскочить из желудка водку. Наконец, кое-как победив свое слабое, нетренированное нутро, смог поддерживать разговор, который затеял Иван Христофорович на тему, им обоим хорошо известную – об их районе, о перспективах его развития, о передовиках производства, то есть о всем том, что многократно обсуждалось на партийных конференциях и других самых различных районных мероприятиях.

Доза выпитой водки оказалась чрезмерной для обоих. Минут через пятнадцать они, уже забыв субординацию, обнимались и клялись в дружбе и любви и приняли решение пойти в ресторан, расположенный в гостинице. Сил хватило дойти до дверей этого заведения. И тут на глазах у почтенной публики с Васей произошло то, что и должно было произойти с человеком, отравленным алкоголем – его просто вывернуло наизнанку. Иван Христофорович начал было суетливо опекать его, но ресурсы его тоже были на исходе, и он, присев в кресло, стоящее в вестибюле, как казалось ему, всего на минутку, мгновенно заснул.

Глазам председателя областной партийной комиссии (кто не знает – это что-то вроде партийного прокурора), идущего в ресторан

по приглашению друзей, предстала картина, от которой он, старый партиец, пришел в ярость. И было от чего: секретарь райкома партии лежал в кресле в позе раненого бойца, внезапно потерявшего сознание, его растрепанный вид был отвратителен. Рядом с ним, стоя на коленях, крепкими молодыми руками обнимал урну, засунув в нее голову чуть ли не наполовину и издавая рычащие звуки, секретарь райкома комсомола. Меры были приняты незамедлительно. Обоих мужчин оперативно доставили в их гостиничные номера и приказали на следующее утро явиться в обком партии.

А дальше все пошло по стандартной схеме: беседа с первым секретарем обкома, его распоряжение орготделу срочно подготовить вопрос об аморальном поведении членов партии, причем рассмотреть это дело в тот же день не откладывая, на бюро обкома, пока его члены не разъехались по командировкам. Были взяты письменные объяснения с каждого персонально. И Иван Христофорович, и Вася признавали свою вину и написали, что заслуживают сурового наказания. Часа через два их ознакомили с проектом решения. Да, такого они не ожидали: намечалось объявить им по строгому выговору с занесением в учетную карточку и освободить от занимаемых должностей.

Вася был убит горем. Иван Христофорович держался неплохо, в уме перебирал все возможные варианты достойного выхода из положения, но, к великому своему сожалению, ничего мало-мальски приемлемого не находил. Решил: «Будь, что будет!»

Бюро началось, как обычно. Перед тем, как пригласить проштрафившихся, первый секретарь проинформировал членов бюро о сути дела, объяснил срочность рассмотрения данного дела и необходимость строгого подхода к нарушителям. Уже в присутствии виновных инструктор, готовивший этот вопрос, официально сделал сообщение на основе их письменных объяснений. Ну, а дальше выступали члены бюро. Все единодушно, как и настраивал их первый секретарь, клеймили нарушителей партийных норм и заявляли, что они будут голосовать за предложенный проект решения.

Дело подходило к концу. Осталось дать последнее слово «несчастливым пьяницам», как их назвал один из выступавших, а после них – что-то скажет первый секретарь, затем – голосование.

Иван Христофорович встал со своего места и подошел к торцу

Н.Л.Пирогов

длинного стола, за которым сидели члены бюро. С минуту помолчал, глубоко вздохнул. Речь свою он обдумал заранее. Правила игры в таких ситуациях он усвоил давно и прочно, твердо знал, что спорить, доказывать, что не виноват не только бессмысленно, но даже и вредно – наверняка получишь большее наказание, чем намечалось в проекте. Нужно было каяться и просить о снисхождении. Очень ценилось благородство, когда берешь вину и ответственность на себя. Он сам не раз проводил заседания бюро у себя в районе на подобные темы и помнил, как смягчались даже непримиримые к нарушениям моральных норм партийные ортодоксы, если провинившийся вел себя «правильно».

Он хорошо знал почти всех членов бюро, сидевших перед ним за столом, часто встречался с ними и по служебным делам, и в неформальной обстановке. Многие из них тоже были не безгрешны. Кто-то любил выпить, кто-то не прочь был погулять на стороне, а некоторые прекрасно совмещали и то и другое увлечение. А сейчас они – его судьи и он понимал, что пощады от них он не дождется. Знал он и первого секретаря и, пожалуй, больше и лучше, чем всех остальных. Они были ровесниками, вместе учились в институте. По большому счету друзьями не были, но считались хорошими приятелями. Вместе занимались спортом, ходили на танцы, участвовали в молодежных мероприятиях. Когда женились, какое-то время ходили друг к другу в гости, а потом их связь как-то незаметно не то что бы оборвалась, а правильнее сказать – завяла. Во время беседы до заседания бюро первый секретарь вел себя официально, как будто и не было старых приятельских отношений. Напоминать об этом и просить снисхождения Иван Христофорович посчитал ниже своего достоинства.

Иван Христофорович еще раз вздохнул, изобразил на лице глубокую скорбь, виновато опустил глаза и твердым мужским голосом объяснил, что в грехопадении Василия виноват лично он, Иван Христофорович: он его старший товарищ, практически его начальник, поэтому послушаться, когда его пригласили вместе выпить, комсомольский секретарь просто не мог. И еще, дескать, надо иметь в виду, что Вася выпил-то всего стакан. Это разве доза? Да у нас перед работой половина молодых каждый день столько пьют и никто даже не замечает. Вся беда в том, что Вася вообще непьющий, а я, старый дурак, не знал

об этом. Виноват, плохо знаю свои кадры.

Дальше надо было говорить о себе. Опять вздохнул и тут, как молния, пронеслась через мозг идея. Дело все в дозе, выпили-то мы всего ничего, но для нас это много. Васе много ясно почему, я это объяснил, а мне много потому, что стар стал. Стоп! Хватит рассусоливать! Не все еще потеряно.

Поднял голову, обвел всех сидящих глазами. Кое-кто избегал его взгляда, но большинство смотрело на него осуждающе. А первый секретарь был воплощением принципиальности и справедливости, взор его излучал уверенность и непреклонность. Иван Христофорович принял простодушный и даже слегка придурковатый вид и начал говорить уже о своей персоне: «Товарищи члены бюро! Я виноват и заслуживаю наказания, в своем письменном объяснении я подробно написал об этом. Единственное, о чем прошу – учесть одно обстоятельство. У себя в районе я ведь не пью, вы это знаете. А приезжаешь в столицу – и трудно сдержаться: много знакомых, приятелей, все приглашают в гости. Но главное даже не в этом. Здоровье уже не то, что в молодости, да и годы не те. Вот, помню раньше, лет тридцать назад выпьешь пару стаканов водки, утрешься рукавом и хоть бы что, даже никто и не заметит, что ты пил. Семен Захарович – обратился он к первому секретарю – помните мы с Вами, по-моему, на четвертом курсе как-то выпили побольше, чем по бутылке на брата, и – на танцы...»

Лицо Семена Захаровича буквально окаменело, а после начала воспоминаний о том, что он когда-то пил водку такими непомерными дозами, да еще и ходил после этого на танцы, глаза его округлились и челюсть слегка отвисла. С такой наглостью подчиненных он не сталкивался очень-очень давно. Секретарствовал он уже больше десяти лет, имел незапятнанную репутацию, а правильнее сказать – не было даже и намека на какое-нибудь пятнышко, авторитет его был непрекаем, и в деловом, и в моральном плане он был образцом для подражания. А тут вдруг говорят, что ты такой, как все, а то может быть и хуже других. Члены бюро напряглись, такого на заседаниях еще не бывало. Семен Захарович хотел остановить наглеца, но голос его не послужался, изо рта вырвался звук, похожий на скрип.

Иван Христофорович понимал, что здорово рискует, что играет с огнем. Что еще немного – и ему запретят говорить, поэтому продо-

Н.Л.Пирогов

лжал свою речь в бешеном темпе: «...а на танцах-то, помните, к нашим девушкам пристали три матроса. А как мы с вами их отделали, всех троих! А когда в милицию нас забрали вместе с ними, то помните, что было? Я помню! Нас отпустили, а их задержали, сказали, что они были в нетрезвом состоянии. А мы-то с вами молодцы. Вот что значит здоровье и молодость. Сейчас, конечно, не то...»

Семен Захарович закрыл лицо руками. В зале была абсолютная тишина. Вдруг раздался хохот. Захохотал первый секретарь. Лицо его покраснело от смеха, руками он хлопал по столу, хватал себя за голову и продолжал заразительно смеяться. Вслед за ним зашлись в смехе и все члены бюро. Глядя на это веселье, грустно-вежливо улыбался и Иван Христофорович. Большого он себе позволить не имел права.

«Ну, ты, Иван, силен! Надо же, вспомнил! А ведь было все это, было!» И вдруг разом погасил веселье: «Ну, а если без шуток, то ты, наверное, прав. Дело-то, видно, в том, что меру знать надо. Молодость-то прошла, и здоровье не то, что было. В части тебя мы, по-моему, палку перегнули. Как считают члены бюро?» Сидящие за столом одобритительно загудели. Лишь председатель комиссии партийного контроля промолчал, обиженно поджав губы. Он явно был не согласен, но перечесть первому секретарю не решился.

Семен Захарович продолжал: «Есть предложение ограничиться обсуждением. Виноваты они, конечно. Но наше обсуждение – тоже наказание, и не малое. Ну, так как, других предложений нет?» Члены бюро твердо отвечали, что у них других предложений нет, что предлагаемое решение самое правильное. Голос Семена Захаровича посуровел. Он говорил, отчеканивая каждое слово и в упор глядя на стоящих перед ним виновников: «Но вы имейте в виду, что объяснения ваши мы сохраним и если допустите что-либо подобное, наказание будет жестче, чем записано в проекте сегодняшнего решения. Ясно? Члены бюро согласны? Давайте проголосуем». Посмотрел на поднятые руки: «Единогласно. Заседание бюро закончено».

Члены бюро в приемной хлопали Ивана Христофоровича по плечам: «Ну, ты, Иван, дал прикурить! Ну и хитер! Молодец!» Он же молчал и скромно улыбался. Вася впервые в жизни переживал такой стресс. Авторитет Ивана Христофоровича в его глазах вырос до невероятных размеров. Он смотрел на него с молчаливым восхищением,

как на божество.

На лестнице их догнал первый секретарь: «Иван, а что ты ко мне в гости-то не заходишь?» «Да как-то все не получается, все дела, да дела». «Ну, а сейчас-то какие дела?» «Сейчас вроде бы и дел никаких нет». «Вот и пойдем ко мне. Лена будет очень рада». «Спасибо, Семен, пойдем».

Полуобнявшись, они пошли к выходу.

Конец войны

Шел 1944 год, начало лета. Мать в тот день была дома: в госпитале, где она работала медсестрой, был пересменок. Госпиталь этот был необычный – для бойцов с челюстными ранениями. Это было страшное место. Кто не видел – вряд ли поверит в этот ужас. Колька был у нее на работе один раз. И натерпелся же он страху! В коридорах ходили и сидели на подоконниках люди, на людей не похожие. У них были руки, ноги (правда, не у всех), но от головы осталась только половина – без нижней челюсти. Они выглядели, как инопланетяне с птичьими головами, в глазах которых застыла боль. Ни засмеяться, ни улыбнуться они не могли – нечем было улыбаться.

В общем, мать была дома и послала Кольку в магазин. Дала ему эмалированный белый бидон, 12 рублей и велела купить три литра суфле. Белый, похожий по цвету на молоко, но погуще молока, сладкий – этот напиток детям очень нравился.

Такие поручения, как это, считались у ребятни большой удачей. Посылают, например, за керосином или за хозяйственным мылом, или за каустиком (из разговоров женщин Колька знал, что эта жидкость очень выгодна при стирке) – ну какой от этого прок? Что купил, то и принес домой. А вот если идешь за хлебом, то наверняка будет хоть небольшой, но довесок, кусочек граммов на тридцать. Тут же его и съедает. Выгодно было ходить за морковью, за свеклой, но только в том случае, если они мелкие, тогда одну штучку можно и съесть, никто и не заметит.

Идет вприпрыжку в магазин, помахивает бидоном, настроение прекрасное. Решил, что два-три глотка суфле отхлебнет, хоть и знает, что внутри бидона мать нацарапала малозаметную метку, отмечающую уровень в три литра.

Эти его размышления прервал Мишка, внезапно выскочивший из-за угла. Колька даже вздрогнул. «Ко мне брат приехал, с фронта!» Приезд в отпуск солдата из армии во время войны – чрезвычайное

происшествие. Приезжали, как правило, искалеченные, которые на фронт уже не возвращались.

Мишкиного брата Колька знал немного. Звали его Алексей. Он был лет на десять старше, учился в ремесленном училище. В армию его призвали год назад. Очень хотелось Кольке посмотреть на него. «А чего он сейчас делает-то?» «Да ничего, спит. Хочешь, пойдём посмотрим». «Пошли!»

Комната, где жил Мишка с матерью, была в полуподвале. Два ее окна, верх которых немного возвышался над тротуаром, были завешаны шторами, в комнате было темно. Вошли на цыпочках. Алексей лежал на кровати поверх одеяла в одних коротких трусах. Левая рука у него была забинтована от кисти до плеча.

Мишка говорит: «Просил курево достать. Давай бычков наберем». Собирали их пацаны обычно в местах скопления людей, и чаще всего – на выставке трофейного вооружения в парке Горького. Дело было несложное: оставшийся в окурке табак очищался от золы и ссыпался в самодельный кисет, сделанный из старого чулка или носка, который подвешивался на шею на крепкой нитке желтого или коричневого цвета, чтобы ее не было заметно на фоне загорелого тела. Сам кисет был спрятан за майкой или рубашкой так, что со стороны для тех, кто не знал, ничего и не заметно.

Скрытность была нужна как защита от всяких неприятностей. Во-первых, мать может увидеть, а скорее всего кто-нибудь из ее знакомых, которые ей все расскажут, и делай потом что хочешь, выдумывай всякие небылицы; во-вторых, и это главное – насобираешь часов за пять с полкисета, а кто-нибудь постарше и посильнее отнимет все. Так бывало, и не раз.

Курили в то время в основном махорку, делая самокрутки.. Папиросы были большой редкостью, и найти бычок от папиросы было удачей. В отдельные дни выдавалось редкое везение. Придешь на выставку и пристроишься к какой-нибудь группе военных, а они, если это бывалые фронтовики, как только подойдут к немецкой пушке, танку или самолету, вспоминают всякие истории, которые с ними случались. При этом все усиленно курят, чаще всего папиросы, и бросают их, не докуривая чуть ли не до половины.

Особенно большой урожай бычков высокого качества (от папи-

Н.Л.Пирогов

рос «Беломорканал» и «Казбек») удавалось собрать у танков «Тигр». Колька раз видел, как двое сержантов, слегка выпивши, плакали, прислонив головы к их броне и закрыв лицо руками. При этом что-то быстро и сбивчиво говорили друг другу.

О материном задании Колька уже не думал. Засунул деньги поглубже в карман, бидон оставил на кухне и пошел с Мишкой решать задачу обеспечения куревом его брата. В ближних дворах взрослых курящих людей было мало, да и те докуривали свои цыгарки до конца так, что табака там не оставалось.

Быстро обежали дворовых приятелей, которым объясняли, что срочно нужно достать хоть немного табачку для Мишкиного брата-фронтовика. Слово фронтовик было в те годы священным, волшебным, оно открывало души людей, поэтому ребята быстро набрали горсть табака и довольные побежали к Мишке домой. Вместе с ними увязалось и человек пять ребятни, которым уж очень хотелось посмотреть на Алексея, они ведь тоже знали его.

Мишка тихонько заглянул в комнату. Брат уже проснулся и сидел на кровати. Выглядел он монументально: широченные плечи, мощная грудь, правая незабинтованная рука перевита мышцами. «Заходите, ребята, не стесняйтесь!» Мишка молча высыпал на кiset, лежащий на табуретке, горсть табака. Брат увидел, сказал: «Спасибо! Сейчас умоюсь, поговорим».

Минут через пять он вернулся, спросил: «Ну, ребята, как жизнь-то идет у вас тут?», откинул шторы на окнах, взял кусок газеты, ловко оторвал от него прямоугольник для самокрутки. Мишка стал было ему помогать, но брат остановил его: «Не надо, я одной рукой научился. Уже второй месяц кручу». Сделал воронку из газеты, послунявив край, приклеил его, левой забинтованной рукой слегка прижал это изделие к колену, насыпал табак, утрамбовывая его мизинцем, согнул пополам и получилась козья ножка.

Мишка чиркнул спичкой, брат закурил, затянулся, закашлял: «И где же вы такое дерьмо достали?» Мишка честно все объяснил. Алексей рассмеялся, потрепал его по голове и сказал: «А, ладно, забудь об этом. Сейчас поем, оденусь и пойду куплю папиросы». Посмотрел на Кольку: «Ну, как дела, в школу-то ходишь?» У Юрки он тоже что-то спросил и тот, как и Колька, засветился от счастья. Уже потом ребята

узнали, что брат пораспросил Мишку, как дела в наших дворах, кто ранен, кто убит. Отцы Кольки и Юрки были последними из погибших, поэтому он их и выделил среди других ребят.

Потом все стали его просить рассказать что-нибудь о войне, как он воевал, как его ранили. Отнекиваться он не стал: «Расскажу, – говорит, – смеяться будете!» И стал рассказывать: «Наш пулеметный взвод на двух студебеккерах привезли к берегу небольшой реки, я ее и название не знаю. Выгрузились мы вместе со станковыми и ручными пулеметами, и машины уехали. Была команда дожидаться полевую кухню, пообедать, после чего поступят дальнейшие распоряжения. Метрах в ста пятидесяти от нас виден был небольшой лесок, местность вся просматривалась, немцы, как нам говорили, были далеко-далеко. Наш лейтенант принял решение – отдохнуть, купаться, приводить себя в порядок. Выделил зону у берега метров в пятьдесят, за ее границы выходить запретил.

Жара тогда была страшная, в машинах нас везли часа два, пыль так запылила лица, что видны были только зубы да глаза. От радости, что можно искупаться, мы заорали так, как когда-то орали в пионерском лагере в такой же ситуации. А вообще, надо сказать, что ребята почти все у нас во взводе были молодые, моложе меня. Я-то год уже отвоевал, а человек пятнадцать только недавно призвали, кому 18 лет, а некоторым и поменьше. В больших боях не участвовали. Стариков лет по двадцать пять было четыре человека. Среди них взводный, воевал еще под Сталинградом. Вот он нас и спас».

Алексей замолчал, встал, потянулся кверху правой здоровой рукой, уперся ладошкой в потолок, спросил: «Ну, что, рассказывать дальше?» Ребята загалдели: «Рассказывай, рассказывай!» «Ладно, расскажу. Сейчас вот докурю вашу отраву». Он протянул было руку к табаку, но его решительно остановил парень лет двенадцати: «Я сделаю!» Он быстро, ловко скрутил из газеты самокрутку тугую и крепкую, как папироса. Нам-то это было не удивительно, мы знали его способности, он курил уже давно, а Алексей восхищенно покачал головой, как бы говоря: «Ну, дает!» Парень зарделся от этой молчаливой похвалы.

Покурил и продолжил: «Кинулись мы к реке, на ходу бросали автоматы, каски, ремни, гимнастерки. Вдруг взводный гаркнул: «От-

Н.Л.Пирогов

ставить! В две шеренги – становись!» В чем остались, в том и построились. Велел нам лейтенант разложить все оружие и одежду строго по расчетам. Кто какой пулемет обслуживает, рядом с ним и раздевается, здесь же чтобы и автоматы лежали. И чтобы оружие было готово к бою. Ориентир – кромка леса.

Одного бойца дежурить оставил. Купаемся. Радости было! Дежурному завидно, ходит по берегу, болтает с нами. Короче говоря, тот, кто дальше всех от берега заплыл, первый увидел колонну немцев, они выходили из леса. Крикнул: «Ребята, немцы!» Пока мы головами вертели, взводный вылетел из воды и понял, что дело серьезное. Немцы, оказывается, быстрым маршем, почти бегом двигались из ближнего к нам леса в дальний. Нас они сначала не видели, но крик услышали, остановились и сразу по команде повернули в нашу сторону и уже побежали что есть силы. На ходу крепили к автоматам штыки.

Я вот слышал, как вы матом ругаетесь. Плохо это. Война закончится, мы вас живо от этого отучим. А как на нас взводный орал! Ну, а не кричал бы, не ругался, могли бы и не успеть. Немцам до нашего оружия было уже метров меньше ста, а нам – метров тридцать. Но немцы были на ходу, одетые, а мы голые и сначала-то растерянные. Но – успели! опередили их. Первых покосили автоматами. Кто совсем близко подбежал, тех – врукопашную. Ну, а потом заработали наши пулеметы. Немцы сразу все легли, кто раненый, кто убитый, но большинство – живые.

Хотели мы одеться, но взводный велел не отвлекаться и живых быстро, пока не очухались, разоружить. С автоматами бегом окружили мы всю эту группу, собрали их оружие в две кучи, живых построили, оказалось – сто семьдесят человек. А у нас – всего один раненый. Не я, дежурного нашего ранило. Меня – позже, в другом месте. Три пули навывлет. Всю руку изжевали.

Тут подошли наши танки. У них была задача – ликвидировать эту недобитую часть, а мы должны были действовать с ними совместно. Немцы хотели уйти в большой лес, да тут мы помешали. Стрелять нельзя – себя обнаружат, поэтому и бежали, чтобы прирезать нас втихую. Не получилось.

Видим, из переднего танка вылезает майор. Одеваться уже некогда, взводный нас построил в две шеренги, босых и голых, с авто-

матами на груди. Хотел было отдать рапорт, но майор еще на землю не спрыгнул, а уже начал хохотать. Наш лейтенант махнул рукой, командовал: «Вольно! Разойдись!» – и мы пошли одеваться. Потом была кухня, водки дали по сто грамм, потом еще добавили за геройство. А майор с танкистами все хохотали над нами, хотели узнать, чем же мы напугали немцев? Их же чуть не в пять раз больше вас было. Неужели «этим делом»? Надо, дескать, было нам с сорок первого года без порток воевать, не отдали бы пол-России. Ну, а если без смеха, говорит, то в сорок первом такое было бы невозможно, хреновые мы были вояки. И еще он добавил, что война-то, ребята, закончилась. Это уже не война, а добивание. Ну, вот так, орлы, посмешил я вас?» – закончил Алексей и обвел нас взглядом.

Никто из ребят не смеялся. Больше того, когда он рассказывал, как они с немцами бежали кто быстрее успеет к оружию, Колька в этом месте от волнения прокусил губу изнутри и не заметил, как рот наполнился кровью.

Алексей решил поесть. Мишка поставил ему на стол еду, оставленную матерью: картошку, селедку, хлеб. Ребята не отводили глаз от Алексея. Колька перепачкался кровью и решил вытереть губы. Полез в карман за тряпочкой, заменяющей носовой платок, а там – деньги: четыре скомканные трешки. Тихонько вышел за дверь и бегом на Зубовскую площадь к табачному киоску. Купил на все деньги шесть штук папирос Беломор и быстро вернулся назад. Самому Алексею отдать папиросы не решился, передал их Мишке и довольный отправился домой.

Но чем ближе с пустым бидоном и без денег подходил к дому, тем становилось страшней. Знал, что если расскажет правду, мать не поймет и не простит. Действительно, не голодающего же спас. Значит – надо врать. Вариантов вранья немного: деньги или украли, или отняли, или потерял. Все плохо. Решил: «Скажу – потерял». Спросит: «Где?», скажу: «Не знаю».

Все рассказал, как намечал, но к вопросу, где шлялся, готов не был и ответил, не думая о последствиях, что у Мишки. Мать хорошо знала эту квартиру, тут же пошла туда, буквально через пять минут вернулась с двенадцатью рублями и отхлопала Кольку по заднице, приговаривая, чтобы впредь не врал. Что она там у Мишки говорила,

Н.Л.Пирогов

как все это выглядело, Колька так и не узнал.

Чувствовал он себя предателем. Хороший же подарок сделал фронтовику. Плакал один в сарае. Хотелось умереть. Даже представлял, как лежит в гробу, рядом стоит мать, плачет и говорит: «Что же я наделала? Прости меня, сынок». Подходят к гробу Алексей с Мишкой. Алексей вздыхает: «Эх, Колька, Колька!»

Дня три Колька старался не попадаться никому на глаза во дворе. А с Мишкой отношения у них вообще разладились. Как-то не тянуло их теперь друг к другу. Алексей уехал через неделю. В апреле сорок пятого он погиб под Кенигсбергом.

Содержание

Знай наших!	4
Жестокость	13
Сельскохозяйственный вредитель	20
Флирт	27
Благодарность	33
Сервис по-европейски	36
Деликатность	41
Дело с трубой	43
Судьба человека	46
Цена карьеры	51
Акробат	64
Ну, и память!	73
Рассказ Белова	79
Свобода	81
Тяготы жизни	89
Конец войны	102

Николай Леонидович Пирогов

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ

Компьютерная вёрстка - А.Алексеев

Подписано в печать 12.01.2010 г.

Формат 84X108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,85

Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство Московского гуманитарного университета,
111395, г. Москва, ул. Юности, 5/1